Навия. Западня

Автор:
Елена Булганова

Навия. Западня

Елена Булганова

Навия #1

Когда до восемнадцати лет остается полгода, жизнь Богданы внезапно превращается в сплошную страшную загадку. Ужас в глазах окружающих, невероятные случаи, подозрительные личности – все это явно связано с новым одноклассником, таинственным Артуром, за которым шлейфом тянутся необъяснимые и смертельно-опасные происшествия. Парень уверяет, что они знакомы тысячу лет, а может, и больше. Совсем скоро Богдана вспомнит и его, и пугающий, но удивительный мир Навии, которому она принадлежит. И пусть Богдана не хочет вспоминать этот мир, но Навия давно расставила ловушки и терпеливо ждет ее – и своего она не упустит.

Елена Булганова

Западня

© ООО «РОСМЭН», 2020

© Елена Булганова, текст, 2020

Глава первая

Старые сказки

Сегодня никто уже не вспомнит имя народа, жившего в этой местности много веков назад. Мужчины его никогда не касались оружия, не марали руки кровью врагов, не охотились на дикого зверя. Да в этом и не было никакой нужды благодаря особым дарам, что прославили этот народ среди окрестных племен. Когда рождался мальчик, все знали, что вместе с ним в мир пришел еще один дивный голос, неповторимый, как тайнопись древесного листка, не только ублажающий слух, но, врачующий тела и души. С полутора лет мальчики начинали обучение у опытных наставников, и у них больше не оставалось времени на игры с самодельными луками или деревянными кинжалами.

Девушки этого народа певческого дара не наследовали, но им дано было другое: способность видеть то, что недоступно зрению обычных людей. Глядя каждый вечер на закатное небо, на кромке умирающего света и наступающей тьмы они прозревали приметы будущего и могли почти точно сказать, не грозит ли их землям засуха или вражеское нашествие, много ли выпадет снега зимой и хорош ли будет по весне урожай во всем крае. Могли, лишь глянув на человека, определить, зреет ли в его теле коварная болячка или беда подбирается к нему снаружи. И пусть иногда их предсказания были туманны, зато всегда хватало, о чем посудачить у колодца или за рукоделием.

И конечно же в любое время года сотни паломников пешком, на конях или по морю устремлялись в пределы не слишком плодородной и довольно унылой земли между непроходимым лесом и безжизненной равниной, почти всегда укрытой снегами. Кто-то по приказу правителя своей страны спешил разузнать, каких бед стоит опасаться. Другие искали исцеления себе и своим близким. Всех принимали, как дорогих гостей, в городе Кречете, единственном большом городе в землях того народа.

Кречет мигом развеивал мрачное впечатление от окружающего пейзажа. Дома в нем были из белого мрамора и золотистого местного известняка, с покатыми крышами и круглыми оконцами. Любой странник находил здесь приют, обильный

стол, мягкую постель. А когда сумерки опускались на город, пришлый народ собирался на главной площади, чтобы ночь напролет слушать при свете факелов удивительное пение, сотканное, словно роскошный ковер, из сотен голосов. Люди внимали пению, не зная, на земле они еще или на небе, и чувствовали, как покидает тело коварная болезнь, возвращаются силы, молодые желания, жажда жизни. В полудреме наблюдали, как звезды заполоняют небо, а поджаристая краюшка солнца все торчит из-за леса, не желая уходить, не дослушав любимую песню, как мерно дышат крыши домов, на которых тысячи птиц сидят молча, тесно прижавшись друг к дружке. И как медленно поднимают головы деревянные идолы на каменных столбах, вспыхивают веселым пламенем их пустые глазницы…

Но над мирным костерком добра всегда собирается едкий дым грядущих бед. Однажды плачущие девушки прибежали к старейшинам с дурной вестью: из-за холодного рыжего моря несется к ним на черных ладьях многочисленный и грозный враг. Слухи о воинственном заморском народе и его беспощадных набегах доходили сюда и прежде, но все сходились во мнении, что их скудный край ничем не может привлечь захватчиков. Однако теперь провидицы ясно увидели другое: не сокровища или богатые посевы манили сюда врага, а юноши с дивными голосами и сами девы с их необычным даром.

Старейшины, как могли, успокоили народ: конечно же соседи, с которыми они столько лет жили в мире и взаимной выгоде, согласятся защитить их, как уже случалось и прежде. Они поспешили оповестить тех о грядущей беде – напрасно. На этот раз соседние народы пришли в ужас и негодование: они понимали, что страшный враг по пути в Кречет неминуемо прокатится кровавым колесом и по их землям.

Тогда родился коварный план: истребить народ, не державший в руках оружия, а затем отправить на берег моря к месту прибытия кораблей гонцов с богатыми дарами и изрядным количеством пленников, а также и с известием, что эти юноши и девушки – последние, кто уцелел. Только действовать нужно было стремительно, пока новый закат не выдал задуманного предательства. Город был атакован средь бела дня, а когда взошла луна, то была она красна, как залитые кровью улицы навеки обезлюдевшего Кречета.

Только немногим уцелевшим удалось вырваться из города и на верных конях покинуть свои земли. Другие соседи оказались не столь жестокосердны, и хоть не посмели приютить беглецов, но все же снабдили их зерном, вяленым мясом,

углем и живностью, которой можно было питаться в пути. Уходя от возможной погони, они забирались все дальше на север и скоро оказались в необитаемых землях, в снежной пустыне.

Ехали и ехали в неизвестность много дней и недель. Скот почти весь пал или был съеден, оставалось лишь несколько мешков с зерном, немного угля и с десяток вязанок дров. Едва живые, со сбитыми копытами, кони еле переставляли ноги, каждый нес на себе двоих, а то и троих обмороженных, ослепших от снежной белизны людей.

Но вот однажды ближе к вечеру что-то вокруг изменилось: изгнанники вдруг увидели впереди торчащие из снега гладкие белые камни, похожие на яйца гигантской птицы, один другого больше, всего пять штук. Камни выглядели еще более безжизненными, чем снежная пустыня, и все же единственный оставшийся в живых старейшина Владдух, возглавивший остатки своего народа, при виде них преисполнился надеждой и тут же объявил привал.

Причиной тому была древняя легенда, которую он много раз слышал в детстве от своей прабабки. Она была родом из других мест – браки с чужестранцами хоть редко, но случались – и потому знала истории, которые в их народе не слыхивал больше никто. Легенда гласила про удивительную страну, вход в которую лежит где-то среди мертвой белой пустоши, на поляне, прозванной Кукушкиным Гнездом, там, где торчат из снега пять круглых камней один другого больше. Якобы в той стране нет места болезням, тяжкому труду и даже самой смерти, вот только попасть в нее трудно, почти невозможно, даже отыскав поляну. Многие люди в разные времена отправлялись на поиски…

«И попадали в нее?» – спрашивал в нетерпении будущий старейшина, тогда пятилетний любопытный мальчишка.

Старуха с загадочной улыбкой покачивала головой:

«Да кто ж знает. Если кто и попал, то рассказать об этом уже не мог, – из той страны, ясное дело, не было желающих вернуться назад. А те, кто после долгих поисков едва приползали домой ослепшие, обмороженные, полуживые, рассказывали лишь, что видели пять валунов, бродили среди них, но входа в удивительную страну так и не отыскали. А когда раскапывали в надежде и отчаянии основания камней, то находили там останки своих предшественников,

давно уже обглоданные хищниками».

«Значит, никакой страны не существует?»

«Да отчего же, ладушко мой? Древние сказания никогда не врут. Только еще говорится в легенде, что войти туда может лишь тот, кто никогда не убивал других людей, ни он сам, ни его отец или дед. А в нашем мире много ли таких наберется? Вот и пропадали люди понапрасну».

Мальчик вырос и давно позабыл прабабкину сказку, тем более что сам он был счастлив на своей земле и никогда не помышлял искать другую судьбу. Но сейчас это был единственный шанс на спасение для тех, кто еще оставался жив. Владдух думал о том, что его народ достоин войти в удивительный мир, ведь они даже на зверей не охотились, все нужное получая в обмен на свои дары. Но все же не стоило давать напрасную надежду и без того измученным людям, потому старейшина распорядился готовиться к ночевке и велел всем мужчинам и юношам, которые еще могли держаться на ногах, собраться на исходе ночи возле его палатки.

Пришли почти все. Некоторые едва волочили распухшие ноги, другие двигались на ощупь, но всеми силами пытались скрыть свою немощь. С болью в душе глянул на них старейшина и спросил, кто готов отправиться на разведку и осмотреть каждый из камней, – вдруг да удастся отыскать прибежище в подземной пещере или хоть что-то для пропитания. Поскольку вызвались все, Владдух самолично отобрал пятерых, которых пока не коснулись снежная болезнь и обморожение, а главное, тех, у кого в глазах еще жила надежда на спасение.

Среди избранных был и сын старейшины, юный Орлик, единственный, кому Владдух этой ночью передал древнее сказание. Все пятеро отправились в путь, обвязавшись веревкой, поскольку начиналась снежная буря и рассвет потонул в снежном мареве. Проснувшимся людям Влад-дух приказал разложить в центре поляны большой костер и поддерживать его до последнего полена, чтобы он был виден издалека.

Ближе к полудню вернулся один из юношей с отмороженным носом и пальцами. Он сообщил, что у самого большого валуна они ничего не нашли, хотя раскидали весь снег вокруг него. Затем один за другим прибрели еще двое, оба с

безрадостными известиями. Четвертого в лагерь принесли на руках те, кто остались и ждали вестей. Они чудом заметили юношу, лежащего в полусотне шагов от костра. Он рассказал, что Орлик велел ему возвращаться, а сам отправился дальше, к самому маленькому из камней, стоящему на отшибе дальше всех от лагеря.

Пала на землю ночь, но костер еще пылал, и старейшина, стоя по колено в снегу, до боли в глазах вглядывался в меркнущую пустоту. Рядом с ним дрожала на ветру хрупкая девушка с белой от инея косой – невеста Орлика. На закате женщины изучали небесный узор и прибежали, до смерти испуганные, с донесением, что на них идет небывалая стужа. Владдух успокоил их как мог и велел разойтись по палаткам. Он и сам чувствовал, как на смену мучителю-холоду надвигается безжалостный убийца-мороз.

Вдруг в слабеющем свете костра старейшина заметил, что кто-то ползет в его сторону. Он бросился вперед, подхватил на руки своего сына, отнес в шатер и отогревал дыханием его руки и лицо, пока тот не смог говорить.

– Отец, – с трудом произнес юноша, тщетно стараясь приподняться на локтях, – если бы я смел давать тебе советы, то сказал бы вот что: собери народ и объяви им добрую весть. Скажи, что спасение близко и на рассвете все наши горести останутся позади. Пусть разожгут костры из всего, что горит, чтобы нам пережить морозную ночь, зарежут оставшийся скот, истолкут зерно и испекут хлебы. Растопят снег и смешают его с остатками вина. И пусть ничего не оставляют на утро, а щедро и радостно отпразднуют конец пути.

Ликованием блеснули глаза старейшины, он уже бросился к выходу, чтобы принести своим людям счастливое известие, но помедлил и оглянулся на сына. Долгая жизнь научила его осторожности.

– Сын мой, ты уверен, что мы можем позволить себе подобное расточительство? Вдруг и там, куда приведет нас эта поляна, на первых порах потребуются еда и питье? Да и часть топлива хорошо бы приберечь, чтобы утром согреться перед остатком пути.

– Отец, – вздохнул юноша, – ты меня не понял. Я ничего не нашел под последним валуном. Наш путь закончен. Пусть люди проведут эту ночь в веселье и радостном ожидании, пусть, напившись вина, уснут счастливыми, а утро для нас

уже не наступит.

Глава вторая

Два запрета

Конечно, я люблю свою мать, а как же иначе? У меня, кроме нее, больше и нет никого из родных. То есть имеется отец где-то в Москве, но с ним я никаких дел не имею и иметь не собираюсь. Пару раз в год мать вспоминает дни рождения своих родителей, насколько мне известно, давно умерших.

Ну и ничего страшного, что нас с ней только двое. Я знаю многих ребят с полным набором родни, но они не учатся в лучшей гимназии города, не живут в элитном доме и не одеваются с головы до ног во время заграничных путешествий. Хуже другое: у моей мамы есть пара очень странных пунктиков. Первый меня беспокоит, а второй так просто приводит в бешенство. Во-первых, не проходит и недели, чтобы мама не напомнила мне то, о чем твердила с самого детства: если вдруг я встречу кого-то с фамилиями Конрад или Кныш, то должна со всех ног нестись домой, запираться в квартире и звонить матери. Ни в коем случае не вступать с ними в общение, не называть себя, не слушать, что они мне попытаются сказать.

Когда я была помладше, эти фамилии преследовали меня в самых страшных снах, а наяву я задавала матери тысячи уточняющих вопросов:

«Мам, а как их зовут?»

«Не знаю».

«Мама, а они мальчики или девочки? Или кто-то мальчик, кто-то – девочка? Кто?»

«Не знаю. Неважно».

«Мам, а что они мне сделают?»

«Ничего не сделают, если поступишь так, как я тебе говорю».

«А сколько им лет, ну, хоть примерно?»

«Примерно сколько и тебе, но могут быть немного старше или младше. Но даже если это окажутся взрослые люди – ты все равно должна делать, как мы договаривались».

«Ма-ам, ну никто же не сообщает свою фамилию, когда знакомится, только имя. Как я еще могу их узнать?»

Мать менялась в лице при этом вопросе. Поэтому его я задала только один, от силы два раза, но ответ запомнила очень хорошо.

«Нет, узнать их больше никак нельзя. Разве что у человека будет что-то необычное с голосом либо с глазами. Эту необычность ты сразу заметишь. Это может оказаться случайностью, но все равно бегом домой – и звонок мне, а уж я разберусь».

Вот и весь разговор, ну не бред ли? Поэтому, став старше, я на эту тему больше не заговаривала, молча выслушивала очередное материнское напоминание. Пусть говорит что хочет, главное, чтобы этот сдвиг не прогрессировал. Хуже то, что не все сводилось лишь к разговорам: я еще не забыла одну историю из собственного детства, пока не слишком далекого.

В тот день мать вырядила меня, как на праздник, и повела записывать в первый класс, хотя идти пришлось всего-то через двор. Я эту школу, красивую такую, белую, с картинками в стиле граффити вдоль всего первого этажа, каждый день с предвкушением разглядывала из окон квартиры.

В школе мы поднялись на второй этаж, и мне было велено ждать под дверью кабинета. Я успела вдоволь накататься по скользкому полу, полазала по широченным подоконникам, даже шлепнулась дважды, а мамы все не было, зато за дверью нарастали голоса. Какой-то мужчина говорил сердито и громко:

«Списки будут вывешены в середине августа, с какой стати мы должны предъявлять их вам сейчас? Что за частная инспекция такая, я в толк не возьму!»

Мать голоса не повышала, но я за нее не беспокоилась – она любого умела убедить или поставить на место. И вдруг стало тихо. Через пару минут мать вылетела из-за двери торпедой, схватила меня за руку и поволокла вниз по лестнице, а потом домой. Я пыталась возмущаться, потому что мне была обещана прогулка до магазина игрушек, а потом еще детское кафе, зря, что ли, наряжалась.

Но возмущаться и рыдать пришлось в одиночестве: мать заперла меня в квартире и исчезла до позднего вечера. А я, растравляя в душе обиду, выпутывалась из парадной одежды, срывала банты вместе с волосами – ничего себе получился праздник! Десять лет прошло, а я до сих пор помню и немного злюсь.

В той школе я тогда побывала в первый и последний раз – на следующий день мы начали готовиться к переезду, и в первый класс я пошла уже в маленьком городке под Питером, да еще и с опозданием на две недели.

Тогда я не понимала, почему так случилась, да и не задумывалась особо. А теперь мне кажется, что мать все же заставила показать ей списки будущих первоклашек и увидела там одну из тех самых роковых фамилий или даже обе. И получается, она всерьез верит в существование этих гадских Конрада и Кныша, а значит, дело плохо.

Но кроме непоняток с фамилиями существовал еще второй материнский заскок, в сто раз хуже первого: с самого детства мне было запрещено оставаться на ночь у подружек или приглашать кого-то с ночевкой к себе. А также ездить в походы или в летний лагерь – словом, вообще проводить ночи вне дома. По этому поводу скандалы у нас возникали регулярно и иногда выливались в многомесячные холодные войны, когда мы с матерью едва разговаривали друг с

другом.

Чем старше я становлюсь, тем кровопролитнее борьба. Но пока мне так и не удалось одержать в ней ни единой победы. Даже во время летних путешествий мать вьется надо мной коршуном, и чем ближе к ночи – тем активнее. Тащится на дискотеки, глаз не сводит, лишь бы я не упорхнула куда-то с новыми знакомыми.

И не то чтобы мать так уж была помешана на моей нравственности. К тому же она далеко не дура и понимает, что тем, чем можно заняться ночью, мои ровесники занимаются по большей части днем, пока родители на работе (я – нет, но дело не во мне). И никогда она мне не устраивала особых прокачек насчет парней, а если вдруг заставала у нас в гостях моего друга Сашку Дятлова, то нормально с ним общалась, а не неслась по квартире проверять состояние спальных поверхностей. В последнее время Саня у нас почти не появляется, но это уже другой разговор. Мать вообще позитивно относилась к тому, что я нравлюсь парням, а в недавнем прошлом я даже показывала ей записочки с дурацкими виршами типа:

С ума схожу, Данка,

Все будто в сне,

Мне очень сейчас без тебя тяжело…

И она ничего, улыбалась, была довольна и горда.

В десятом классе на выходные незадолго до летних каникул наша классная запланировала тур в Карелию, были там и Кижи, и водопад, и веревочный парк, и дискотека. Хотя народ у нас в гимназии пресыщенный и много где побывавший, программа всем понравилась, и поездку ждали с нетерпением. Вот тогда я решилась на открытый бунт: ни слова не сказав матери, оплатила дорогу и гостиницу из своих накоплений, потихоньку уложила вещи в рюкзак, который обычно таскаю на занятия. В девять утра в пятницу мы загрузились в автобус, с хохотом по любому поводу и болтовней почти не заметили шести часов пути. Потом было заселение в гостиницу, прогулка по городу, и я, помню, от души наслаждалась ощущением свободы и собственной непокорности.

Правда, с приближением вечера тревога начала меня покусывать изнутри, сначала совсем легонько, но с каждой минутой все болезненней. За ужином в кафе я решила, что сейчас самое время позвонить матери и поставить ее перед фактом, пока она сама не начала обзванивать моих подруг и учителей. Я отошла в пустующий банкетный зал, моя лучшая подруга Лина Ким, верная Кимка, заметив мой бледный вид, отправилась следом и в знак поддержки крепко держала за свободную руку. Мать ответила моментально, наверняка уже начала задумываться, где меня носит. А я очень старалась говорить по-взрослому, спокойно и уверенно:

– Мам, привет! Извини, я тебе не сказала, но у нас тут экскурсия на три дня… В общем, я сейчас в Петрозаводске с классом. Оплатила сама, об этом можешь не беспокоиться. – Я постаралась подпустить в эту реплику побольше яда, хотя прекрасно знала, что дело не в деньгах.

Ответом мне был сброс звонка.

– Ну что? – тревожно заглянула мне в лицо Кимка.

– А ничего. Отключилась. Я примерно такого и ждала.

– Ой!

– Ерунда, – поморщилась я. – Сделать-то она все равно ничего не сможет. А если разок смирится, то больше не станет меня доставать.

Как же я заблуждалась насчет собственной родительницы!

Мы наперегонки вернулись в зал, где все наши сидели за длинным столом и официантки в смешных одежках уже расставляли тарелки, и там я немедленно поймала пугающе-задумчивый взгляд нашей классной Елены Станиславовны. Она разговаривала по телефону, прикрывая ладонью трубку, густые темные брови уползли к самым корням волос, – и земля ушла у меня из-под ног. Я сразу смекнула, с кем она говорит.

Нет, классная ничего за ужином не сказала и на меня больше не глядела, только улыбалась и нахваливала наш аппетит. Лишь по пути в гостиницу словно

мимоходом уточнила, в каком мы с Кимкой номере. Мне стало казаться, что гроза миновала, возможно, классная нашла управу на мою мать, уговорила или даже пристыдила ее.

Ближе к полуночи, когда, по нашим прикидкам, Елена Станиславовна видела уже десятый сон, мы – все двадцать человек – забились в один из номеров и спорили о том, в какую игру поиграть, или, может, вообще совершить ночную вылазку в город. Я после пережитой нервотрепки за спором не следила, клевала носом, и внимательная Кимка уже несколько раз взглядом предлагала мне пойти спать в наш номер, но нельзя же было так глупо упустить первую ночь своей свободы.

Здесь было две кровати у противоположных стен, на них теснились девчонки, а парни расположились кто на подоконнике, кто на тумбах, некоторые уселись на плетеные прикроватные коврики – это те, кто любил держаться поближе к девочкам. Рядом со мной устроился Валерка Соев, нахально положил мне на колени свою крупную голову с черными густыми кудрями, глянул, ухмыляясь, в лицо: типа не возражаешь? Я сделала вид, что слишком увлечена общим спором и вроде как его в упор не замечаю.

Сашка Дятлов появился в номере позднее всех, уж не знаю, где шлялся, но его вечно растрепанные волосы почему-то были влажными, а лицо порозовевшим, словно он долго плескал на него ледяной водой. Покосился на нас с Валеркой и оседлал свободную тумбочку напротив. Мотнул головой, отвечая на чей-то вопрос, и волосы упали ему на глаза, завесили лицо аж до носа. Ну и как теперь поймешь, наблюдает он за мной или нет? Захохотав над чьей-то недослушанной шуткой, я вроде как машинально запустила пальцы в Валеркины кудри, Соев тут же изобразил нечто вроде мурлыканья и стал тереться ухом о мои колени. Именно в этот момент Дятлов со смаком зевнул, сложил руки на груди и откинул голову на стену. Я аж зубы стиснула от злости – раз так хочет спать, ну и шел бы к себе в номер, а еще через мгновение сообразила, что это как раз и есть его номер, их с Вилли Мажейкасом, если точнее. Вилли сейчас сидел на подоконнике и держал за обе руки мою Кимку, эта парочка традиционно не отрывала глаз друг от дружки и ни на что больше не реагировала. Почему-то мне сделалось скучно и тошно.

Паша Дядковский закурил, свесившись за окно, остальные все не могли прийти к соглашению, потому что каждый спешил рассказать, как он во что-то там играл и непременно выигрывал. И тут в дверях вдруг образовалась наша классная в

трикотажном костюме для сна и с дурацкой косынкой на голове. Мы, конечно, поскорее приняли вид «честные лица, открытые ладони», чтобы про нас ничего не подумали, Паша едва не выпал за окно и натужно закашлялся. Классная выразительно понюхала воздух и вдруг сказала, выцепив меня взглядом:

– Богдана, на минуточку.

Валерка вскочил на ноги, освобождая мне проход, Дятлов соизволил открыть глаза и проводил меня наконец заинтересованным взглядом. Я вышла, недоумевая, и тут же с порога увидела… свою мать. Она стояла в паре метров от номера, бледная, с запавшими глазами. Я не могла поверить, что мать после нашего созвона и разговора с классной бросилась в машину и проделала шестичасовой путь по незнакомой ей дороге. Классная куда-то испарилась, а мать проговорила голосом ровным, подчеркнуто лишенным всяческих эмоций:

– Дана, ты можешь еще посидеть с ребятами сколько захочешь, а потом приходи в номер двести тринадцать. Вот, возьми. – Она протянула мне пластиковую карту, которую я машинально стиснула пальцами. – Только, пожалуйста, не задерживайся, дочка. Я очень устала, но не лягу, пока тебя не дождусь.

Пару мгновений я ошалело взирала на мать, а потом крутанулась на пятках и молча зашагала к лифту – номер двести тринадцать согласно здешней нумерации находился на втором этаже. Рюкзак с моими вещами, которые я не успела разобрать, слегка завалился на бок в изножье уже другой кровати, даже захотелось обнять его, как друга по несчастью, – оба мы с ним бесправные. Плюхнувшись на покрывало лицом к стене, я набрала сообщение Кимке, она ведь неуемная, еще бросится искать меня по всему городу:

«Не поверишь, но мать уже тут. Сняла для нас номер. Так что бывший наш весь твой. Приглашай Вила и оттянись за нас обеих».

После этого мобильник я сразу отключила, не хотела никаких расспросов, тем более сочувствия. В полном молчании, словно семейка глухонемых, мы по очереди приняли душ и улеглись по кроватям, а утром я вскочила на рассвете и начала собираться – давала таким образом понять матери, что хочу убраться из отеля как можно скорее, чтобы, упаси бог, не попасться на глаза нашим.

– Если хочешь, можем устроить свою экскурсию по городу или по окрестностям, раз уж мы все равно тут, – уже в машине сказала мать. – Даже экскурсионный тур еще не поздно купить.

Ага, давайте теперь поиздеваемся надо мной! Я резко мотнула головой: домой, и точка. И больше за всю дорогу слова не произнесла, хотя мать пыталась всеми силами делать вид, будто не замечает бойкота: подпевала каким-то дурацким песенкам, что-то рассказывала, комментировала пейзаж за окнами машины.

Бойкот мой длился еще некоторое время и закончился вместе с карманными деньгами, а это случилось скоро, хоть классная и вернула мне часть экскурсионных. Мать без слов достала из кошелька требуемую сумму, сказала ласково и как-то непривычно просительно:

– Ну хватит уже дуться, Данка. Вот исполнится тебе восемнадцать, и наверстаешь, везде еще поездишь. Обещаю, что на новогодние праздники после твоего дня рождения сама куплю вам с Линой путевки куда только пожелаете.

Я крепче сжала зубы, чтобы не начать по новой задавать вопросы, на которые все равно не получу ответа. Ладно, подожду, я терпеливая.

Сейчас середина сентября, а день рождения у меня первого января, всего ничего осталось до восемнадцати. Даже интересно, сдержит мать слово или еще что-то придумает. Правда, в самом начале учебного года я уже устроила ей очередную проверку. В тот день мы закатили вроде как девичник после уроков – пять девчонок завалились в гости к нашей однокласснице Катьке Косакуровой, чтобы в спокойной обстановке поделиться летними впечатлениями. По ходу выяснилось, что Катькины родители в отъезде, так что мы расслабились, разоткровенничались, особенно когда Катюха угостила нас каким-то ликером из родительского бара. Потом понемногу все разошлись, убежала моя Кимка, сказав, что ее ждут дела, – знаю я имя и фамилию этих дел! Тут я как-то размякла от ликера – еще бы, с моим домоседством закалки никакой! – и нажаловалась Катьке на свою судьбу, впервые рассказала кому-то, кроме Кимки, про странный запрет, – до этого отделывалась туманной репликой «домашние проблемы». К концу рассказа уже вовсю утирала слезы жалости к себе, а маленькая, решительная Катька смотрела на меня потрясенными глазами. Потом подвела итог:

– Слушай, Данка, ну это как-то странно. Не люблю судить поступки взрослых людей, но твоя мама несправедливо с тобой обходится. Да еще без указания нормальной причины. Не думаю, что в восемнадцать лет она даст тебе свободу.

– Ну, она же обещала, – промямлила я. – А потом, после восемнадцати я вообще буду не обязана ее слушать.

– Это да, но она твоя мать, никуда не денешься. Не из дома же тебе бежать. А она наверняка уже придумала, как и после дня рождения удерживать тебя в узде, может, каким-то другим способом.

– В смысле? – Меня даже в жар бросило, как вообразила, что эти непонятки никогда не кончатся.

Катька, волнуясь, забегала по комнате, ежесекундно поправляя очки на коротком носу, который она вдобавок нещадно морщила. В нашем классе Катюха славилась тем, что умела до всего доходить своим умом, даже невыученный урок отвечала так, что учителя диву давались и уточняли источники информации.

– Скажет, к примеру, что болеет и не может оставаться ночью одна, вы ведь вдвоем живете?

– Ага.

– Во-от. Допустим, она скажет, что в определенные часы ее нужно будить и давать лекарства. Или что по ночам в пустой квартире ее мучают страхи, припадки или что-то в этом роде. Значит, как единственная дочь и опора, ты должна быть рядом в эти критические часы.

– И что же делать?! – Кажется, у меня самой чуть не случился припадок от такого прогноза.

– Ну, постараться выйти из оцепления решительно раз и навсегда, – плюхаясь рядом со мной на диван и почесывая нос, задумчиво изрекла Катька. – Можно прямо сегодня. Хата свободна, оставайся у меня. Ты матери звонила, что сегодня придешь позднее обычного?

– Эсэмэску скинула.

– А написала, у кого ты в гостях?

– Не-а.

– Ну так позвони или напиши, что тут вечеринка до утра, в честь начала последнего года в школе. А завтра воскресенье, и ты имеешь право расслабиться. Сейчас уже десять вечера, не станет же она всем названивать и узнавать, где ты.

Я даже засмеялась от такого предположения:

– Сразу видно, что ты мою мать не знаешь.

– Ладно, не знаю, ну попробовать-то можно?

– А точно. – Хмель еще бродил во мне, и я решительно выхватила мобильный, нажала кнопку вызова.

Мать сразу ответила, верный признак, что уже волнуется и телефон держит перед глазами.

– Ма-ам! – сказала я, нет, отрезала непреклонным, как мне тогда казалось, голосом. – Я у одноклассницы, тут у нас вечеринка, останусь до утра. И не надо меня искать и приезжать. Это не Кимка, другая девочка, ты ее не знаешь. У нее родители в отъезде и домофон отключен.

Ответом мне была тишина в трубке. Так, она снова сбросила звонок, как тогда, с Карелией. Я испуганно уставилась на Катьку:

– У нее список телефонов и адресов всех родителей, наверняка уже листает и набирает.

– Мои за границей, там сейчас ночь, не ответят. Но пойду в самом деле вырублю домофон, – не слишком уверенным голосом произнесла Косакурова. Кажется, она уже не рада была, что в это влезла.

Следующие четверть часа мы пытались болтать и смеяться как ни в чем не бывало, но на самом деле лично мне было здорово не по себе. И я даже обрадовалась, когда поступил вызов с материнского телефона: уж лучше скандал, чем неопределенность. Вот только голос в трубке был чужой, мужской – я чуть на ковер не рухнула от испуга.

– Девушка, я фельдшер «неотложки», – проговорил голос, глотая слоги, будто что-то заодно жевал. – Вы подтверждаете, что можете приехать и приглядеть за вашей матерью? Ну или мы ее забираем по «скорой».

– Подтверждаю! – завопила я. – Буду через пять минут.

И бросилась одеваться в прихожую. Пока шнуровала ботинки, коротко изложила все выскочившей следом Катюхе. Та смотрела на меня выразительным взглядом, наверняка пыталась таким образом напомнить наш недавний разговор и собственную проницательность, только мне было не до того. Хотя в глубине души я допускала, что матери не проблема и с фельдшером договориться и вообще разыграть всю сцену от начала до конца. Но испуг все же победил подозрения. Так бесславно провалилась моя очередная попытка отстоять свою независимость.

Вот так и проходила моя прежняя жизнь, и теперь уже можно сказать: нормально, очень даже неплохо проходила. До того дня в конце сентября, когда все раз и навсегда перестало быть нормальным. С тех пор стрелка моего существования двигалась по шкале от деления «Терпимо» через промежуточное «Очень плохо» до деления «Полная катастрофа».

Глава третья

Дурное известие

Хорошо помню, что стояла в своей комнате у зеркала и размышляла, как одеться в школу с учетом того, чтобы сразу после уроков нам с Сашкой рвануть в кино, а потом посидеть в кафе в том же торговом центре, где кинозал. А погода, если верить прогнозам, сегодня будет все еще теплая и солнечная, хотя осень давно в разгаре. Подумав, заменила белую блузку на тонкий светло-бежевый свитер с вышивкой – в гимназии нашей с формой строго, но под жакетом будет незаметно. Зато вместо куртки можно надеть симпатичный светло-синий плащ, по фасону похожий на френч, со стоячим воротником и двумя рядами крупных желтых пуговиц. Ботинки у меня горчичного цвета, высокие, под край плаща. И еще нужно порыться в шкафу и отыскать шелковый шарф цвета охры, мать в Лондоне специально к плащу подбирала, уж вкус у нее точно есть. А у меня со вкусом слабенько, я обожаю все оттенки желтого и синего, зато красный терпеть не могу, даже резиночку для волос для домашнего пользования такого цвета не куплю…

Ого, если начинаю думать о цветах и оттенках, явный знак, что волнуюсь. И кончики пальцев покалывает, в животе словно сквознячок гуляет, ужасно противно. А казалось бы, с чего так психовать… это совсем на меня не похоже. Подумаешь, какой-то там Сашка Дятлов.

Хотя нет, не подумаешь. Все же с Сашкой мы дружим уже ровно десять лет, с того самого дня, как меня наконец определили в школу примерно в середине сентября. К тому времени все, конечно, успели передружиться, да и классы в нашей накрученной гимназии не особо велики. У меня почти не было шансов найти себе друзей и вообще идти в класс, где все уже друг дружку знают, было очень страшно.

Сашка единственный сидел в одиночестве на задней парте в среднем ряду и с первого взгляда показался мне хулиганом и задавакой, я едва не расплакалась, когда учительница велела сесть рядом с ним. Но все оказалось не так ужасно, и уже к концу учебного дня мы стали не разлей вода. А позднее никакие насмешки и дразнилки не могли нас разлучить, крепкие Сашкины кулаки быстро отбили желание до нас докапываться.

В младших классах я гордилась, что вообще не дружу с девчонками, пока в четвертом к нам в гимназию не перешла моя обожаемая Кимка. А в начале десятого появился Вилли, и они с Кимкой сразу стали держаться как парочка – в

отличие от нас с Саней. Я никогда прежде не считала Дятлова своей парой и даже иногда подолгу размышляла о том, что будет, когда у него или у меня кто-то появится. А что это произойдет, я не сомневалась, ведь влюбляются не в друзей, а в кого-то недосягаемого, о ком поначалу и мечтать не смеешь. Но надеялась, что со мной такое случится раньше, иначе я буду глупо выглядеть, когда Сашка обзаведется девчонкой: всем не объяснишь, что мы просто друзья. Но это почему-то никак не случалось, идеальный роман не завязывался, а вот Сашка без всякой внятной причины начал от меня отдаляться.

Последнее время он даже не заходил ко мне домой, только провожал до подъезда и сразу убегал. У него появились какие-то дела, о которых он упорно помалкивал, да и вообще в последнее время он заделался молчуном. И это настораживало. Если познакомился с кем-то не из нашей школы, то почему скрывает, я же всегда ему рассказывала, кто и как ко мне клеится.

Только раз в конце прошлого учебного года Сашка засиделся у меня до прихода матери, и то лишь потому, что долго провозился с моим глюкнувшимся ноутом. Но потом сразу ушел, хотя мать и предлагала остаться на ужин или хоть чаю с нами попить. Но Сашка решительно распрощался, а после его ухода мать вдруг заявила восхищенным голосом:

– Неужели это твой Саша Дятлов? Просто не узнать!

– Чего это не узнать, какой и был, – насторожилась я. – И он не мой.

– Так ведь я сколько его не видела, давно не заходил! – ковырнула родительница мою рану. – В последний раз вроде был еще пухленьким таким, я даже пожалела, что в отца пошел. А тут уже молодой мужчина, и красавец в придачу!

– Да ладно, – усомнилась я. – Никакой не красавец.

И спешно проинспектировала мысленным взором Сашкин портрет: глаза у него широко расставленные, темные и необычной формы, ресницы короткие и очень густые. Прямые пушистые брови, нос уточкой, ямочка на выпуклом подбородке. Волосы цвета дубовой коры, чуточку волнистые и вечно торчат в разные стороны. И вроде никто его в нашем классе красавцем никогда не считал. Хотя кое-кто уже давно на него запал, тут я в курсе.

– Рост замечательный, накачанный такой, а за разрез глаз, как у твоего Сашки, любая девчонка полжизни отдаст! – продолжала так не в тему восхищаться мать. Издевалась, ну точно.

– Обыкновенные глаза, – пробормотала я, чувствуя, как пересыхает во рту.

– Ну, тебе виднее. Кстати, он каким спортом занимается?

– Раньше баскетболом, но в последнее время забросил, – пожала я плечами. – А, еще туризмом, в походы ездит… ну то есть ходит.

– Ну, на баскетболе и в походах так не накачаешься, наверняка спортзал посещает, – резюмировала мать и ушла на кухню.

А я отползла в свою комнату, рухнула ничком на диван и приготовилась плакать. И вроде бы причины не было, но вдруг на душе стало так тревожно и тоскливо, будто потеряла что-то. Потеряла, чего не имела, и теперь не знаю, как дальше жить без этого. Куда я только смотрела, спрашивается? Почему в моем представлении Сашка остался примерно на уровне пятого класса, когда он и меньше меня был ростом, и в самом деле полненьким, с пухлыми смешными щечками? Как, скажите, я ухитрилась ослепнуть на целых пять лет?!

Мать уже вовсю ругалась, что ужин стынет, а я никак не могла оторвать глаз от Сашкиного лица на общей фотографии девятого класса. Даже спать улеглась, засунув ее под подушку. И на другой день бежала в школу, задыхаясь от волнения, от дурацкой улыбочки сводило губы. Я просто умирала от желания как можно скорее увидеть Сашку – и что же? Он всего лишь коротко мне кивнул и уткнулся в тетрадь по алгебре, в которой что-то дописывал торопливо, не иначе десятый вариант решения задачи, он же у нас чертов математический гений! Я плюхнулась на стул рядом, хотя вообще-то мы сидели с Линой за второй партой у окна, а Дятлов с Мажейкасом – за нашими спинами. Но на переменах мы часто менялись местами, вот и сейчас я опустилась рядом с Сашкой, подождала немного – не обратит ли внимание. Нет, даже головы не повернул. Тогда я достала одну из наших общих детских фоток, подсунула ему под руку. Сашка на секунду замер, потом поморщился:

– Убери. На дух не выношу своих старых фотографий. Можешь меня отрезать, а свою мне подарить – ты тут очень миленькая.

– Почему не выносишь? Ты такой смешной был, как медвежонок.

– Вот потому и не выношу.

– Ой, да ладно, ты же изменился. А я… я изменилась?

И снова подтолкнула к нему фотку. Саня на нее оценивающе глянул, потом перевел взгляд на меня, уронил голову сначала на одно плечо, потом на другое.

– Хм, даже не знаю, что сказать, чтобы не огрести. Вы же, девчонки, терпеть не можете меняться.

– Вот только не надо меня обобщать! – взвилась я. – Думаешь, мне бы хотелось сейчас выглядеть как в третьем классе?!

– А, ну тогда перемены налицо конечно же, – заверил меня друг, даже по плечу потрепал. – И ты оправдала все ожидания! Слушай, извини, я тут кое-что хочу доделать до звонка.

Я молча вернулась на свое место: стало очевидно, что на самом деле никаких перемен Сашка во мне не увидел. То есть увидел, конечно, но… не осознал. Не обновилась я в его сознании, проще говоря. С тех пор прошло почти полгода, и я со страхом замечаю, что Сашка продолжает отдаляться от меня.

Конечно, я была в курсе, что в семье у Дятлова какие-то проблемы, вроде как Сашкин отец растратил деньги, выделенные ему государством по гранту, и едва-едва не очутился в тюрьме. С Сашкой мы на эту тему никогда не говорили, случилось это в прошлом учебном году, и я полагала, что все уже в порядке: ведь он по-прежнему учится в нашей отнюдь не дешевой гимназии, нормально одевается, имеет карманные деньги – значит, обошлось и говорить тут не о чем. Домой к себе Саня давно уже не приглашал, ну он и живет далеко, за городом, в частном доме.

Ходить в кино на каждую премьеру – наша традиция. Обычно вчетвером, но вчера Кимка и Вилли покаялись, что случайно посмотрели этот фильм по компу, не разобрались сразу, что новый. И второй раз их не тянет, фильм так себе, едва на троечку.

– Может, не пойдем? – тут же повернулся ко мне Сашка, вопросительно свел домиком пушистые брови.

У меня в который раз за последнее время заныло в груди: он что, только и ждет повода от меня избавиться, даже традицию готов нарушить?

– Пойдем, – отрезала я. – А если ты не хочешь, то я и одна могу!

– Ну вот еще, на фиговый фильм, и одна, – расплылся в улыбке Дятлов, и мне стало легче дышать.

И вот сейчас все мои надежды сосредоточились на походе в кино, как будто он должен был все изменить в правильную сторону. Придирчиво вглядывалась я в свое отражение, будто собиралась подвергнуть зеркало допросу с пристрастием. Хотя я ведь не слепая и сама знаю, что на внешность мне жаловаться не приходится. Доказательство тому – десяток разбитых сердец, начиная еще с детского сада.

Я внимательно окинула себя отстраненным взглядом: темно-пепельные пышные волосы до плеч, а одна боковая прядка у лица совершенно белая, вроде как седая. Было время, когда я стеснялась этой аномалии, даже закрашивала в парикмахерской – но это давно в прошлом. Потом-то я сообразила – а мать постоянно твердила об этом, – что седая прядь придает моему образу нужную изюминку. Лицо у меня овальное, черты правильные, глаза не сразу поймешь какого цвета, вроде серые – очень светлые, перламутровые, – но могут менять оттенок то в зелень, то в синеву, зависит от настроения. Брови и ресницы такие насыщенно-графитовые, что в младших классах некоторые вредные учителя даже подвергали меня испытанию намоченным платком или отсылали мыться в туалет. Жаль, конечно, что я совсем не похожа на мать, она в юности была настоящей красавицей, но и так сойдет, жить можно. Но как, как сделать так, чтобы Сашка наконец меня увидел по-новому?!

Вот, к примеру, пришла бы я к Сашке домой, а его мать закричала с порога что-то типа: «Ой, Даночка, какой же ты стала красавицей!» Глядишь, у него в мозгах что-то и щелкнуло бы, переключилось на нужную волну. Но в гости Саня меня не зовет, нужно искать другие пути.

И вдруг я придумала. Все должно случиться сегодня, прямо в кино. Я приду туда грустной, подавленной, сделаю вид, будто ничто мне не в радость. Сашка парень добрый, он наверняка спросит, что случилось, и вот тогда я, давясь слезами, расскажу, что на улице какие-то парни обозвали меня уродиной. Доверчивый Дятлов бросится доказывать, что это не так, описывать мне же, какая у меня замечательная внешность. А при этом и сам ко мне повнимательней приглядится, и вот тут-то…

Тут мой взгляд упал на часы, я ойкнула и бросилась вон из дома. Мать сегодня ушла раньше обычного, предупредив, что подвозить меня до школы будет некому и чтобы выходила с запасом. Само собой, я об этом благополучно забыла и в класс физики ворвалась со звонком. Пока шла к нашей с Кимкой парте, убедилась, что место рядом с Вилли пустует, и так растерялась, что едва не двинулась в обратном направлении, прочь из класса, прямо навстречу хмурому физику в вечно измазанном мелом костюме.

– Куда-а? – Кимка успела поймать меня за край юбки, притянула на стул.

Видя, что я ни на что не реагирую, сама достала из моего рюкзака все для урока, руки мне сложила, воротник школьного жакета поправила. Вот для чего нужны настоящие друзья! Пока она все это проделывала, я как раз сообразила, что Сашка отбыл на математическую олимпиаду в Питер и что он предупреждал меня об этом вчера, но клятвенно обещал успеть к сеансу и уже забронировал на него билеты. Я счастливо выдохнула.

Учебный день пролетел быстро, и в два часа я уже входила в ТЦ, заранее навесив на лицо маску скорби и печали. Сашку я приметила со спины, он у кассы выкупал наши билеты. Подошла, постучала пальцем по плечу, он повернулся – тут я охнула и отшатнулась. Правая щека у моего друга была рассечена, от носа до уха тянулся тонкий, заклеенный стягивающим пластырем порез, вокруг расплывался синячище разной степени багровости.

– Сашка! – ахнула я. – Кто тебе так врезал?!

– Ты о чем? А, это? – Дятлов потрогал пальцем щеку, словно восстанавливая в памяти событие, ойкнул и палец отдернул. – Если бы кто врезал – его бы уже хоронили!

Тут он не особо преувеличивал: Саня парень боевой и еще в младших классах мог легко подраться даже со старшеклассником, если тот задирал кого-то из наших. Где не хватало сил – компенсировал звериной хваткой и вроде как полной нечувствительностью к ударам.

– Кто тебя знает, может, уже хоронят, – пробормотала я.

– Да не, я его отпустил, – расплылся друг в улыбке и тут же снова ойкнул. – А то кто же будет в Туле блох подковывать?

– Каких еще блох, эй, ты чего? – тут я заволновалась не на шутку.

– Ну а прикинь, кто мне мог врезать по правой-то щеке? Но на самом деле просто не повезло. Уронил листок, наклонился за ним и приложился о край парты. Если завалил задания – можно будет списать на сотрясение мозга.

– Ясно, ты все продумал.

– А то! Как и всегда.

Тут я припомнила, что мне пора возвращаться в продуманный образ, и, пока Сашка ходил за моим любимым соленым попкорном, по новой навесила на себя подавленный вид. Вернувшийся Дятлов потрепал меня по плечу и сказал:

– Да ладно, Данка, не переживай. Мозги у меня железобетонные, не пострадали.

Вот же черт. Я хотела печальным голосом сообщить, что дело не в его, уж извините, мозгах, но тут нас пригласили в зал. Начался фильм, название которого я не увидела, потому что лихорадочно продумывала новую стратегию. Сашка же закинул в рот горстку попкорна, устроился в кресле поудобнее и руку традиционно положил мне на плечо. Может, шепнуть ему, что мне не до фильма, и сразу отправиться в кафе?

Пока я размышляла, рука Дятлова вдруг сделалась тяжелой и горячей, даже через свитер чувствуется. Мне показалось, что и дышит Сашка как-то иначе. Волнуется? А вдруг то, о чем я непрерывно думаю и мечтаю уже столько времени, исполнится само собой без всяких моих ухищрений? Вдруг прямо

сейчас он прошепчет мне в ухо что-то очень важное? Или просто поцелует, что даже круче? Я застыла, боясь вспугнуть момент, в горле пересохло, сердце скакало взбесившимся мячиком.

Но прошла минута, другая – ничего не происходило. Я осторожно повернула голову, собираясь поддержать Сашку ласковым взглядом и мягкой улыбкой. И едва не заорала на весь зал от досады: этот тип преспокойно дрых, откинув голову на спинку кресла! Я дернула плечом, скидывая его руку, она упала на подставку для попкорна, но Сашка не проснулся. Минуты две я жгла его взглядом – ноль эффекта! Ну хватит с меня унижений: я вскочила и начала выбираться в проход под сердитые реплики тех, по чьим ногам прошлась сгоряча. Едва вышла из ТЦ, сразу отключила телефон – нет, теперь этому типу не скоро удастся извиниться передо мной. А дома еще и в ВКонтакте его заблокирую. Нет, пожалуй, блокировать не буду, просто не стану отвечать, интересно же, что и сколько раз он там напишет в свое оправдание.

В квартиру я влетела на всех парах и сразу ринулась к компу. Если Сашка уже проснулся и осознал, что по телефону я недоступна, то должен был по идее рвануть в личку, извиняться и звать обратно, в кафе. Открывать сообщения не буду, так, погляжу… но, к моему негодованию, ничего я там не обнаружила, даже в сеть Дятлов не выходил. Может, так и дрыхнет себе сладко, фильм ведь еще не кончился.

Мать возникла на пороге моей комнаты незаметно, позвала с порога:

– Дана, если не слишком занята, переодевайся и приходи на кухню.

– Картошку чистить не буду, у меня маникюр совсем свежий! – заволновалась я.

– Да уже без тебя все начистилось, – хмыкнула мать, уходя. – Просто хочу с тобой поговорить.

Я метнула еще один свирепый взгляд на экран и поплелась следом за родительницей. На нашей просторной кухне готовка, оказывается, шла полным ходом: на столе уже остывала моя любимая кабачковая икра, в граненой вазочке желтел салат «Мимоза», не менее обожаемый. Все выглядело так, будто мы готовились к приходу гостей, хотя я ни о чем таком даже не слышала. Гости обычно приходили ко мне, мать компаний не собирала, а родственников у нас не

было.

– Мам, мы разве кого-то ждем? – не удержалась я от вопроса, стоя в дверях, чтобы не вляпаться во что-нибудь.

– Нет, это тебе на пару дней, – каким-то странным голосом без всяких эмоций отозвалась мать.

– Не поняла…

И тут мать заговорила быстро, словно бы виновато, и при этом не поворачивалась ко мне лицом, помешивала жаркое:

– Данка, мне давно нужно было тебе сказать, но все как-то не было случая. У меня небольшие проблемы со здоровьем. Но ты не волнуйся, ничего ужасного, просто твоей маме нужно немного подлечиться.

– Подлечиться – это как? – насторожилась я. – Мне сгонять за лекарствами? Есть рецепт?

– Нет, лекарств не нужно, спасибо. Просто завтра я лягу в больницу, всего на одни сутки, на процедуру. Так пару раз, а потом мне сделают операцию.

– У тебя опухоль, да? – прошептала я обморочным голосом.

Мама обернулась и глянула на меня такими виноватыми глазами, что я сразу все поняла. Ноги противно затряслись, я по стеночке доплелась до табуретки. Знавала я такие истории, и они редко заканчивались хорошо.

– Так, дочка, только спокойствие, – уже взяла себя в руки мама. – Ничего страшного, все под контролем. Через пару месяцев мы об этом даже не вспомним, обещаю. Будем жить, как прежде жили.

Мне стало чуточку легче дышать: раз мама так настроена, то, наверное, все обойдется. Она ведь у меня любительница раздувать историю из каждого пустяка, а тут – наоборот.

– Когда тебе… когда в больницу?

– Ложусь завтра утром, – будничным голосом ответила мама. – То есть нельзя даже сказать, что ложусь, там дел на пару часов. Я могла бы сразу уйти, но врачи настаивают, чтобы еще сутки оставалась под наблюдением. Ничего не поделаешь, пришлось им уступить, иначе грозились погнать в Питер. Значит, в пятницу уже к твоему возвращению из школы я буду дома.

Я встрепенулась:

– Мам, может, и мне пропустить пару дней? Лучше с тобой побуду, рядышком посижу…

Но мама тут же пригрозила мне шутливо кулаком.

– Даже не думай. Я прекрасно одна справлюсь, буду вволю читать и смотреть фильмы. А ты спокойно занимайся обычными делами. И, Данка… – Голос матери чуточку изменился, я вскинула на нее глаза. – Ты ведь помнишь наш уговор, да? Ты уже совсем взрослая, дочка, я могу доверять тебе?

– Можешь…

– Слово?

– Ага, – отозвалась я рассеянно, раздумывая, не взмолиться ли прямо сейчас, чтобы мать объяснила мне все эти странности. Раз уж она о худшем сказала, так чего теперь таиться?

Я глянула на маму, как она уныло горбится над плитой, но старается выглядеть бодрой, даже веселой, и решила ее не мучить. Сейчас уж точно был неподходящий момент.

Глава четвертая

Близится ночь

И все же я очень переживала из-за маминой внезапной болезни, промаялась пару часов без сна, хотя обычно сплю очень крепко, «от звонка до звонка», по выражению матери. И встала поздно, забыв выставить будильник. К тому времени мама уже ушла в больницу, было немного стыдно, что я, засоня, с ней даже не попрощалась. Хотя, может, так нам обеим было легче.

В школу прибежала как раз к перемене перед вторым уроком, первой зашла в пустующий класс – наших, похоже, задерживали на предыдущем уроке. Устроилась в одиночестве на своем привычном месте, и вдруг слезы неудержимо хлынули из глаз.

– Данка! Богданочка, ты чего, что с тобой?!

Это вбежавшая в класс Кимка присела на корточки рядом со мной, испуганно заглядывает в лицо, поглаживает мои запястья. Сброшенная на бегу сумка валяется на полу, за подружкиной спиной маячит обеспокоенный Вилли.

– Ерунда, накатило, бывает, – пробормотала я.

– Нет, скажи мне, ну пожалуйста! Мы же всегда всем делимся, забыла?

Лицо у Кимки сделалось такое жалобное и молящее, что я не смогла удержать улыбку сквозь остатки слез. Это правда, с тех пор, как мы стали подругами, секретов у нас друг от друга никогда не было. Только она, к примеру, знала все о странностях моей мамы и о моих страхах за состояние ее рассудка. А я помню, как переживала моя Кимка, что из-за этнической внешности в нее никто никогда не влюбится. Но все оказалось наоборот, и не только из-за повального увлечения корейскими дорамами, да Кимка и не похожа совсем на тиражируемый типаж восточной девочки-куклы. Она на голову выше меня, широкие прямые плечи – пловчиха, иссиня-черные волосы заправлены за уши и лежат до середины спины,

Кимка никогда их не осветляла. Довольно смуглая кожа, упрямо выдвинутый подбородок и острые скулы делают ее лицо волевым и даже вызывающим, но я-то знаю, что на самом деле она мягкая и уступчивая – ну, если не злить, конечно.

Мама моя как-то сказала, что Кимка могла бы стать актрисой – на нее интересно смотреть, даже если она молчит и ничего не делает. Так что обожателей у подруги было не меньше, чем у меня, пока год назад не появился Вилли, молчаливый, но совсем не флегматичный прибалтиец с пудовыми кулаками, и они сразу стали практически неразлучны.

Я не удержалась и выложила им двоим всю правду про маму. На лице Кимки на миг отразился ужас, потом она взяла себя в руки и зачастила:

– Богдашечка, только не сходи с ума, сейчас все это уже лечится! А Надежда Николаевна так следит за собой, наверняка вовремя обратилась к врачам.

Вилли весомо кивнул, подтверждая ее слова, и почему-то погладил меня по голове – он вообще был мастер совершать неожиданные поступки.

Я благодарно всхлипнула. Тут Кимку кто-то оттеснил в сторону, на ее месте образовался Дятлов и спросил:

– Надеюсь, трагедия не из-за того, что я вчера вероломно заснул в кинотеатре, испортив тебе весь просмотр?

Я помотала головой, только сейчас сообразив, что и думать забыла о вчерашней своей обиде, такой ерундовой она теперь казалась. Ну, устал человек после олимпиады, да еще и покалечился, чего было так злиться? А телефон с той поры так и не включила, потому и проспала. Кимка тем временем уже шептала Сашке что-то в самое ухо, отчего он помрачнел и даже побледнел немного. Потом снова обратился ко мне непривычно мягким голосом:

– Ну, наверно, самые общие слова утешения уже сказаны, повторяться мне не нужно?

– Не нужно, – согласилась я уныло.

– Тогда предлагаю набор реанимационных мер: прогул уроков, посиделки с друзьями, кафешка на выбор.

– Что у нас на экстренный случай отложено? – спохватилась Кимка.

– «Очень странные дела», три сезона, – припомнила я. Мы всегда один сериал оставляли на экстренный случай, если кто-то будет в ауте, а то и мы обе. Чтобы забиться вдвоем под одеяло у меня или у Кимки дома и тупо смотреть серию за серией, поедая вкусняшки в неограниченном количестве. – Давай у меня сегодня, все равно мамы не будет.

– Мы тоже приглашены? – уточнил Сашка, а Вилли выжидающе склонил голову на плечо.

– Нет, – отрезала я. – Сегодня без вас. А то некоторые своим храпом испоганят весь просмотр.

– Поклеп, я не храплю! – возмущенно распахнул свои и без того непозволительно большие глаза Сашка. – Иначе мои коты мне бы обязательно сказали!

– А вдруг они недостаточно честны с тобой? – уточнил Вилли с самым серьезным видом. По-русски он говорил превосходно, только лишь с легким и очень милым акцентом.

– Ну все, Богдана решила, не спорьте, – подвела итог Кимка.

Вилли заметно сник и ушел в свои мысли, он без Кимки вроде как и не живет вовсе, превращается в безвредного зомби, который ходит, отвечает на вопросы, но душа его витает очень далеко. Вот Сашка явно совсем не огорчился, если не сказать наоборот. А ведь я надеялась его задеть, не прощать же так сразу за то, что за вчерашнее даже не извинился. Хотя больше мне хотелось расслабиться вдвоем с подругой, натянуть теплую пижамку, залезть под одеял-ко и не отвлекаться на парней.

– Тогда я после уроков бегу домой, переоденусь и сразу к тебе, – прошептала Кимка, пока я пробиралась на свое место у окна – урок уже начался, как оказалось.

– А я покупаю тортик по пути домой, – откликнулась я.

Школьный день пролетел без особого напряга, Кимка после уроков стремглав убежала – Вилли подвозил ее домой, сам он жил в коттеджном поселке за чертой города, и за ним приезжала машина с личным шофером. Меня провожал Сашка, травил по пути байки о том, как у него вчерашний фильм смешался со сном и как он потом носился в поисках меня по торговому центру, так что даже охрану кто-то вызвал. И тортик наш с Кимкой любимый, с цукатами и сливками, купил, сказав, что это первый вклад в компенсацию. Что-что, а извиняться Сашка умел, когда хотел, вот испытывал ли при этом раскаяние – другой вопрос. У подъезда потрепал меня по плечу, заглянул в глаза и унесся куда-то быстрее ветра. Его дом был за нашим лесом-заповедником, он бегал туда пешком.

Подруга примчалась ко мне уже через час и тут же на кухне, переодевшись в захваченный из дому халат, начала разгружать из рюкзака мои любимые корейские салаты, которые так суперски готовила ее русская мама. Мы в две руки разложили все по тарелочкам, расставили по подносам и отправились в мою комнату. Нырнули под покрывало и включили ноутбук. Я вдруг ощутила острую радость от того, что у меня есть Кимка, ведь что бы я без нее делала, наверно, валялась бы сейчас под этим же одеялом и рыдала в голос.

После первых шести серий все же решено было прерваться и заняться уроками, тут же, не вылезая из постели – в квартире было прохладно, поскольку на улице похолодало, а батареи не успели подстроиться. Я делала задания в тетради, Кимка – на листочках, но особо мы не заморачивались – стоило делу застопориться, особенно по алгебре, с которой мы обе были не в ладах, Линка набирала своего Вилли, который вообще был вундеркиндом и ходил в школу только потому, что так положено. Иногда после урока он озадаченным голосом сообщал нам, что учитель ошибся и на какой минуте урока это было. Или я звонила Сашке, второму нашему математическому гению.

На следующих пяти сериях моя подруга то и дело косилась печально то на часы, то на быстро темнеющее окно, и всякий раз от этих взглядов у меня обрывалось сердце. И наступил тот неизбежный момент, когда очередная серия закончилась, и Кимка отчасти решительно, а больше жалобно произнесла:

– Дан, мне домой пора. Ты знаешь, моя мама не любит, когда я в темноте по улицам шастаю.

– А если я тебя провожу? – Сама не ожидала, что мой голос прозвучит так жалко.

– Ой, ну тогда я буду за тебя волноваться!

– Ладно, давай только чаю попьем, и пойдешь.

– Слушай, а может, ты к нам? С ночевкой? – оживилась подруга. – Родители рады будут, они же тебя обожают.

– Мне нельзя, ты знаешь. Мать не забыла взять с меня слово.

Кимка хлопнула себя ладонью по лбу:

– Ой, прости, вот я дурында! Просто решила, что раз твоя мама в другом месте, то не так важно…

Я пожала плечами:

– Да нет, все равно важно. Ей важно.

Был, правда, один вариант, который я обдумывала уже минут десять, уж очень не хотелось оставаться в одиночестве. Да ведь я никогда одна и не ночевала, если вдуматься! Мама поймет, даже если случайно узнает.

Кимка медлила, поглядывала на меня выжидающе, словно давала время принять решение.

– Может, ты задержишься у меня подольше, – предложила я неуверенным голосом. – Не ночевать, а просто еще фильм посмотрим, спать совершенно не хочется. А потом можно будет заказать такси…

– Точно! – оживилась подруга. – Только не надо никакого такси. Завтра пятница, у папы на фирме отгрузка, он поедет туда очень рано, к пяти утра, чтобы за всем проследить. А сюда заехать и забросить меня домой – ему от силы десять минут. Тогда получится, что я не ночевала у тебя, а просто засиделись допоздна… или доранья, есть такое слово?

Да, голова у Кимки работала отлично. Такой вариант показался мне просто замечательным – пожалуй, я даже смогу смотреть матери в глаза, если она спросит, не нарушила ли я слово.

– Давай так, – кивнула я с энтузиазмом. – Правда, в школе отрубаться будем.

– Ничего, две первые физики, на них поспим, – развеселилась подруга. – Физик наш что всегда говорит? Главное, не шумите, остальное не так важно. А мы уж точно не храпим! В общем, сейчас я домой позвоню, объясню родителям ситуацию. Да, и еще Вилли, а то мы с ним обычно вечерами болтаем подолгу, когда я дома, но я скажу, что этот вечер придется пропустить.

– Совсем не можете друг без друга? – хихикнула я не без нотки зависти, с Сашкой мы в последнее время и по телефону почти не общаемся, у него вечно какой-то аврал.

– Просто вначале он русский так подтягивал, а потом оба втянулись, – улыбнулась Кимка, а следом вдруг тяжело вздохнула.

Я немедленно вцепилась ей в руку:

– Эй, давай выкладывай, что не так с Вилли?

– Да ты чего, все даже лучше, чем так, – отбивалась Кимка, но как-то не очень активно. Уж кого-кого, а свою подругу я знала: через пару минут она сгорбилась, обхватила руками коленки и заговорила совсем не так радостно:

– Ну, ладно, есть кое-что. Помнишь, на экскурсии в Карелии ты написала, что весь номер в нашем распоряжении?

У меня вся кровь бросилась к голове от волнения: ведь чувствовала, что не стоит такое писать. Вдруг что-то не так пошло и у подруги из-за меня проблемы?

– Я взяла и в самом деле пригласила Вила в наш номер. Ну и… даже не знаю… сама понимаешь…

– Что? – завопила я. – Говори прямо, пока я умом не тронулась из-за твоего блеяния. Было что-то?

Кимка активно замотала головой:

– Того, о чем ты спрашиваешь? Точно нет. Хотя так-то много чего было… я что-то увлеклась и дала ему понять, что против большего, в общем, не того… не возражаю. А он, представляешь, только заулыбался и что-то странное сказал… вроде даже насчет нашей свадьбы, но это не точно. И повел меня гулять по ночному Петрозаводску. Вот так.

Я впала в глубокую задумчивость примерно на минуту. Хотя чего тут думать, Вилли есть Вилли, а он особенный во всем. И внешне: он выше всех в школе, волосы удивительные, почти белые, глаза прозрачные и светлые, как, наверно, вода в студеных северных озерах. Красавец невозможный, а держится скромно, даже немного зажато. Кстати, с появлением Мажейкаса в нашей компании мы все немного подтянулись, прекратили ругаться и пошло шутить. Вилли, кажется, способен за ночь выучить том энциклопедии на чужом языке, но, стоит нам с Кимкой начать обмениваться двусмысленностями, теряется и смотрит на нас непонимающими глазами. Пришлось следить за собой.

– Кимка, так это же здорово, значит, у вас все по-настоящему! – наконец изрекла я. – Вил отличный, не пойму, что тебя смущает?

Подруга тут же закивала, соглашаясь:

– Нет, насчет него я полностью согласна, дело не в этом. Мне немного за себя стыдно… ну да ладно, проехали. Но, Данка, почему он не знакомит меня со своими родителями, если моих уже чуть ли не папой-мамой зовет?

– Да потому, что его родители вечно в разъездах! Сама разве не знаешь, мы же постоянно в его хоромах тусим!

– Но иногда они все же появляются, верно? – справедливо заметила Кимка. – Вил сам тогда нас предупреждает насчет этого, а в гости меня никогда не зовет. Немного странно, если жениться намерен, ты не находишь?

– Ты сомневаешься в Вилли?! – от всей души возмутилась я.

– В Вилли – нет! – вскричала подруга и даже стукнула себя кулаком в грудь. – Но, Дан, если не зовет знакомиться, значит, заранее знает, что я им не понравлюсь, так ведь? Может, они очень заносчивые, может, им моя масть не нравится или они вообще всех россиян на дух не переносят – это даже вернее всего. Может, давно уже приглядели ему невесту среди своих? – На этих словах Кимкины глаза затуманились, я бросилась утешать, и разговор затянулся еще на полчаса.

Потом подруга успокоилась, мы вспомнили наш план на эту ночь, и она убежала в гостиную, к стационарному телефону. А я отправилась на кухню разогревать материнское жаркое и доставать из холодильника ее салаты. После разговоров по душам мне лично всегда хочется есть.

– Ой, салатики! – Минут через двадцать прискакала на кухню довольная порозовевшая Кимка. – Обожаю! Все, переговоры окончены!

– Тебе разрешили?

– Ну, мама сначала понять не могла, зачем нужны такие сложности, чтобы ночь не спать, а на рассвете возвращаться. Пришлось выкручиваться, я наплела что-то, жу-уть. Но главное, что папка согласился заехать, правда, сказал, что особо названивать не будет. В смысле, если мы проспим. Тогда он уедет, а мне придется уж до утра тут быть. Поклялась, что не просплю, будильник-то на что? Ура?

– Ура, – согласилась я.

Эх, жаль, что застарелая детская мечта ночевать с подружкой сбылась при таких неприятных, даже тревожных обстоятельствах. В общем, остаток вечера мы провели за едой и перед телевизором в гостиной – шло наше любимое шоу. Потом вдруг решили пересмотреть старые фотки с совместных дней рождения и всяких школьных мероприятий, и я даже притащила альбомы, которые аккуратно собирала мама, хотя в компе эти фотки тоже хранились, конечно. Но было как-то по-особенному уютно сидеть в ярко освещенной кухне, устроившись с ногами на мягком угловом диванчике, разложив на низком столике альбомы, вглядываться в фотки, едва не стукаясь лбами. Прямо как в другое время перенеслись или вообще в другой мир.

– Смотри, смотри! – громко радовалась Кимка. – Это я на линейке первый день в нашей школе. Ой, какой вид испуганный! Перед своими я бодрилась, а это твоя мать щелкнула, да?

– Она нас с Сашкой снимала, – пояснила я. – А Сашка тогда, как тебя увидел, так сразу сказал: пошли с новенькой знакомиться, смотри, она же сейчас реветь начнет от страха.

– Ой, да прямо… хотя да, я же вообще боюсь новых мест и людей. Ты мне тогда просто ужас до чего понравилась, только я боялась, что ты не захочешь со мной дружить, у тебя и так подружек полно, и Сашка… даже вечером плакалась маме, а она меня утешала. А на второй день ты предложила сидеть с тобой за одной партой, ой, какой был восторг!

И импульсивная Кимка в порыве чувств крепко сжала мою ладонь.

Хорошо за полночь мы снова забрались на мою кровать и включили сериал. Но уже было ясно, что из плана бодрствовать до половины пятого утра ничегошеньки не выйдет, я вообще не помнила, чтобы когда-то мне так хотелось спать. Первой сдалась и сладко засопела в унисон с голосами киногероев Кимка. Я с последним отчаянным усилием глянула на экран, запоминая серию, но выключать ноут не стала, вроде как для очистки совести, будто бы смотрим, ну, пусть по очереди. И через мгновение уже крепко спала.

Глава пятая

Пробуждение

На пороге дома сырая ночь обслюнявила мерзко холодным и влажным языком лицо. Но так даже легче, остатки сна испаряются без остатка, не то что летом. Бегун моментально взял нужный темп и потрусил через деревню в сторону леса. Все бы ничего, вот только кроссовки хлюпают и тонут в грязи, а в сапогах много не набегаешь.

Он пробегал мимо дряхлых домишек и навороченных новых строений за крепкими заборами, беспробудно спящих в четыре часа утра, без единого горящего окна. Даже матерые сторожевые псы сейчас дрыхли, а если и рыкали ошалело, то с явным опозданием. До леса добежал, не заглядывая в карту, фонарик из рюкзака не доставал, понятно и так, что другого маршрута быть не может. И привычно свернул не в сторону расчерченной тропинками рощи, а туда, где лежал «дурной», по выражению деревенских, заболоченный массив, куда народ совался разве что в ягодные сезоны. Пока бежал, мысленно себя инструктировал: нужно быть предельно осторожным, хватит с него и вчерашней встречи с веткой, что рассекла щеку до крови. Весь день пришлось отвечать на вопросы и бесконечно врать.

Конечно, он мог сказать, что бегает по утрам, это даже ложью не назовешь. Но Саша Дятлов для себя давно сформулировал одну важную вещь: если оставишь торчать наружу хоть хвостик неудобной правды, то рано или поздно кто-то ухватится за него и непременно вытащит на всеобщее обозрение всю неприглядную тушку. А хочешь, чтобы все было шито-крыто, будь любезен, не давай себе никаких поблажек. Не отказывайся от прежних занятий, чтобы выгадать хоть немного времени на отдых. Хотя баскетбол пришлось забросить, иначе тренер рано или поздно заценил бы разнообразные отметины на его теле и мог поднять тревогу, сейчас с этим строго.

Пока ему все удавалось, никто из друзей или приятелей ни разу не подметил: «Ты, Санек, какой-то не такой в последнее время». Вот только с Даной… тут дело куда сложнее оказалось. Когда ему невероятными усилиями удавалось выкроить чуть больше времени, чтобы сводить ее куда-нибудь, выяснялось, что Богданка не в настроении, капризничает и хочет домой. Когда все сваливалось сразу – уроки, тренировки, очередная олимпиада плюс ежедневная дикая усталость, – вот тут подруга и объявляла, что не прочь куда-нибудь сходить, если ему хочется, конечно. Эта тактичная формулировка означала, что в случае отказа он может с ней даже не заговаривать, как минимум, неделю.

На один из таких дней и выпал злополучный поход в кино… Саша даже застонал на бегу от неловкости, припомнив, как очнулся к середине фильма и мучительно не мог понять, где он и что происходит. Даже лучше, что Данка гордо покинула его раньше.

Он терялся, когда ловил на себе словно бы выжидающий взгляд ее серых, быстрых, как ртуть, глаз. Потому что слишком шатко было все в его жизни, чтобы хоть что-то пообещать этой девочке, такой избалованной, переменчивой… и такой необходимой. То, что он считал для себя главным, постоянно ускользало от него.

По шаткому мостику из уложенных рядком бревен он перебежал через мелкую речку, вот тут уж достал из кармана карту и включил фонарь. И в сердцах выругался, поняв, где сегодня ему предстоит побывать. Небольшой островок в самой заболоченной части леса всегда казался Саше вроде как заколдованным, потому что попасть на него было просто, а вот выбраться – наоборот. Ведущая к нему тропа петляла, но была четкой, в низинах даже мощенной досками. Ходили туда в ягодный сезон самые жадные до добычи и опытные местные, знавшие каждый уголок леса, пройти по их вешкам проблемы не составляло даже сейчас, в распутицу. Но, оказавшись на островке, вернуться на ту единственную тропу, что вела через болото, было трудновато. Да и начиналась тропа не у самого острова, а на расстоянии большого прыжка. Одно дело – прыгать с тропы на четко очерченный край островка, и совсем другое – назад, в неизвестность, рискуя влететь с разбегу в топь. Одним словом, все могло затянуться, а нужно было успеть на автобус в Питер – шел второй день олимпиады.

Был вариант оставить у тропы включенный фонарь, но запасного он не взял, да и вообще на этом чертовом островке технике доверять не стоило, все ломалось и гасло. Здесь точно обитали какие-то враждебные человеку силы, всеми силами желавшие если не сгубить, то хоть помучить вволю.

Парень ограничился тем, что, уже перейдя на островок, нашел в траве пять камней покрупнее, расставил с обеих сторон тропки, даже ветку приладил в направлении прыжка. И снова заглянул в бумажку с планом. Но на изображении островка никаких значков не стояло, а это значило, что ему самому придется разыскивать свои неприятности.

И вдруг в сырой давящей на уши тишине возник звук – низкое, полное угрозы рычание невидимого зверя. Оно все нарастало, так что Дятлов ощутил вибрацию

внутри грудной клетки, и наконец взлетело к небу пронзительным воем. Отпинав в сторонку мысль о порой забредающих в лес волках, он отлип от иссохшего ствола, к которому интуитивно прижался спиной, вытащил из кармана складной нож, вытянул ногтем самое длинное и узкое лезвие, выставил вперед в правой руке, в левой – фонарь, и медленно двинулся вперед.

Примерно в середине островка высились две сосны, чудом сохранившие в себе жизнь, но заплатившие за нее уродством торчащих во все стороны отростков-ветвей, образующих нечто вроде широкого круглого навеса. Тьма под этим навесом сплелась в прильнувший к траве силуэт еще более черной лохматой псины, чей вой уже больше походил на предсмертный хрип удавленника.

Дятлов замер на месте, потом сорвал с себя куртку и намотал на левую руку. Перевесил рюкзак на грудь, сунул нож в карман джинсов, а фонарь оставил на кочке, направив на собаку. Постоял, собираясь с духом, и двинулся вперед.

Через секунду псина с победным рыканием уже сбила его с ног и зафиксировала пастью руку с курткой, навалилась на жертву и изо всех сил стиснула зубы. Рука моментально онемела, пальцы начисто потеряли чувствительность. Лежа на спине под собачьей тушей, парень правой рукой осторожно обследовал веревку на ее шее. Узел он нашел, но тот был мокрый и больше походил на камень, тут и двумя руками не развяжешь. Саша очень осторожно, по миллиметру двигая рукой, добрался до ножа в кармане, открыл его об землю и начал искать, где можно перерезать. Поначалу это казалось безнадежной затеей, веревка с такой силой захлестнула хребет и бок псины, что под нее невозможно было и палец подсунуть.

Дятлов полежал немного, прикидывая, как скоро нарастающая боль в руке, невозможность сделать полный вздох и смрадное дыхание прямо в лицо доведут его до такого состояния, что он попросту вонзит лезвие в бок собаки. Но, во-первых, животное не виновато, во-вторых, получит полное моральное право перегрызть убийце напоследок горло. Постарался, насколько возможно, передохнуть, наметить план действий и решил хоть немного сдвинуться к соснам, чтобы ослабить натяжение веревки.

При малейшем его движении рык десятикратно усилился, псина попыталась установить все четыре лапы на строптивую жертву. Но все же Дятлов продолжал елозить и загребать пятками землю, мокрая скользкая трава сейчас была его союзницей. Скоро ему удалось просунуть палец между веревкой и

горячим собачьим боком и при этом не выронить зажатый ладонью нож. Приноровившись, он перепилил веревку, выдохнул и произнес:

– Свободна, теперь беги домой. Хозяин и мисочка ждут.

Та и не подумала ослабить хватку.

– Ладно, считай, что ты меня сделала, – пробормотал Саша, закрывая глаза и очень стараясь расслабить тело. – Допустим, что я умер, ты же, надеюсь, не питаешься мертвечиной?

И даже дыхание задержал. Утробное рычание сделалось вопрошающим, челюсти начали ослабевать. Наконец псина убрала лапы с недвижимого тела, обнюхала напоследок, и, разом потеряв к нему интерес, рванула прочь.

– Аккуратней на болоте, – только и сказал ей вслед Дятлов.

Он выждал немного, потом с трудом сел и несколько минут растирал левую руку, пока не вернул чувствительность пальцам. Встал и подошел к соснам, внимательно осмотрел то место, где была привязана собака. В метре от земли два искривленных ствола почти соприкасались, в узкое пространство между ними был втиснут скомканный пакет. Саша достал его, разорвал, извлек замшевый мешочек на завязках и заглянул в него: там в свете гаснущих звезд что-то тускло мерцало. Сунул в карман и отправился туда, куда ускакала псина.

На берег он вышел быстро, но тут же взвыл от досады не хуже кудлатого агрессора. Собака, торопясь домой, раскидала сложенный из камней указатель, ветка и вовсе исчезла. Дятлов подошел к краю трясины, примерился, широко шагнул на удачу – а что еще оставалось? Правая нога вроде как встала на твердое, зато левая провалилась по середину икры в болотную жижу. Это не стало бы проблемой, будь на нем сапоги, но сейчас кроссовка немедленно отяжелела, казалось, цепкие лапы трясины намертво впились в нее и потянули вниз.

Чертыхаясь, парень присел на корточки, дотянулся до ступни и попытался распутать шнурки, руками не удалось, пришлось снова пускать в дело нож. На этот раз он был не слишком аккуратен и ухитрился исколоть себе в нескольких местах ногу, прежде чем ее освободил. А потом уже почти бегом пересек

заболоченный участок и рухнул боком в осоку, зацепившись о корень на последнем шаге. Подтянул ступню, потерявшую даже носок, внимательно осмотрел.

Самый глубокий порез около большого пальца не кровоточил, поскольку был залеплен грязью. Саша с досадой подумал о том, что почти все лето носил запасную пару обуви в рюкзаке, всего неделю назад выложил. Потом принялся мастерить из куртки и запасенной веревки временную обувку, заодно прикидывая, как бы не попасть в таком виде на глаза соседям, не поймут. В целях конспирации придется сперва выйти к заброшенной железной дороге, это еще лишние минут десять. Значит, никаких передышек по пути.

До дома он добрался за час, пробежал по улочке, к счастью, никем не замеченный, и нырнул за красные кованые ворота. На пороге избавился от лохмотьев куртки и от второй кроссовки, чтобы не заляпать пол, сунул все под крыльцо. И босиком прошлепал в дом. В прихожей прислушался: родители уже встали и обитали на кухне, сладко пахло сырниками, гудел, закипая, чайник. Но первым делом Дятлов взобрался на цыпочках по деревянной лестнице на второй этаж и сразу полез под душ.

Промытая рана начала кровоточить, потом перестала. Саша намыливался раз пять, зная, как навязчив запах болота и псины. Правда, от горячей воды стало дергать поврежденную зубами руку, четче проступили отметины, хорошо хоть их можно скрыть под рукавом школьного пиджака.

Он вылез из ванной и только тогда проверил время – раньше все равно не имело смысла. Убедился, что еще успевает, но только если вылетит из дома через десять минут. В темпе застелил постель, стараясь не потревожить крепко дрыхнувших на его подушке кота Фарша и кошку Пульку. Фарш, правда, глаза все же открыл, Дятлов тут же сунул ему на инспекцию руку, потом голову:

– Нюхни, брат. Шипеть не тянет?

Фарш понюхал и снова закрыл глаза, видно, собачатиной больше не пахло. И Саша помчался вниз.

Отец сидел, навалившись грудью на кухонный стол, медленно жевал сырник, а взгляд его был неотрывно устремлен на противоположную стену, отделанную

светлыми деревянными брусками, как будто там разворачивалось только ему доступное кино. Оплывшее лицо отца то кривилось презрительно, то растягивалось в угрожающей ухмылке, губы шевелились. Он давно уже вел неведомо с кем этот беззвучный диалог… На сына лишь покосился мельком, – нет ли на лице новых повреждений, – не нашел и отвернулся со скучающим видом. Зато стоявшая у плиты мать так и впилась тревожными глазами. Сашка подошел к ней, протянул мешочек со словами:

– Это вроде твое, мам.

Мать, не глядя, сунула мешочек в карман халата, ласково сжала пальцы сына горячей ладонью, но он поспешил освободиться. И тут же мысленно отругал себя: с какой стати он злится на мать, сам же просил ее ни во что не вмешиваться. Отошел и сел за стол, тайком пристроил правой рукой на колени левую, вялую и онемевшую. Раньше ему даже хотелось, чтобы отец замечал его ушибы и раны, чтобы понимал, как тяжело ему пришлось, но теперь – нет, ни за что. Рывком запихнул в рот сырник, запил чаем и пошел к выходу, не слушая мольбы матери хорошенько поесть перед школой.

* * *

Не помню, чтобы мне когда-то снились кошмары, даже когда бывала расстроена, психовала из-за контрольной или очередной стычки с матерью. Это был первый случай, правда, во сне я не увидела ничего страшного, только услышала крик, ужасный, но короткий, а за ним какой-то грохот. А потом вдруг приснилось, будто какая-то бесформенная темная фигура, больше похожая на тень, приблизилась медленно и улеглась мне на ногу, навалилась так, что нога оцепенела и противно заныла. Я дернулась всем телом и проснулась.

И сразу обнаружила причину неприятных ощущений: ноутбук сполз со специальной подставки мне на правую ногу, пережал там все артерии. Кимки рядом не наблюдалось, и я шепотом обругала подругу, наверняка это она задела, вставая, не сам же спрыгнул. Вернула давно погасший ноут на место, растерла ногу и тоже встала. Горела в стороне настольная лампа, оставленная с вечера. А вот за окном все еще стояла ночная тьма. Я сверилась с будильником: всего-то полчетвертого ночи.

– Кимка! – заорала на всю квартиру осипшим со сна голосом. – Ты куда ускакала?!

Ответа не было, я направилась в сторону ванной, недоумевая, зачем подруге понадобилось подниматься так рано, – перед сном она сообщила, что отец заедет около пяти, и даже выставила на своем телефоне будильник, догадывалась, что мы точно заснем. А если заседает в туалете, то могла бы уже и отозваться.

Но туалет и ванная были пусты, и я забеспокоилась всерьез. В темпе осмотрела кухню, мамину спальню, даже кладовку, под конец выскочила в прихожую и уже лихорадочными движениями перебрала одежду на вешалке. Темно-розовое Кимкино пальто-разлетайка исчезло. Да, но ведь ее сапоги остались стоять в другом конце коридора на подставке для обуви, рядом с моими! Следующим моим действием было подергать входную дверь – что за дела, оба замка открыты!

Голова у меня шла кругом, в сознании мешались сон и явь. По всему выходило, что Кимка в страшной спешке вскочила с кровати, уронила на меня ноут и бросилась на выход. По пути сорвала с вешалки пальто, но не добралась до обувки, убежала в моих шлепках на бамбуковой подошве, и это в дождь, который уже сутки моросит почти без перерыва!

Такому могло быть лишь одно объяснение: ей позвонили из дома и сказали что-то ужасное, например, что их дом горит или беда случилась с кем-то из родителей. Ну, как вариант, с Вилли. Я вспомнила полный ужаса крик, который слышала во сне, только, похоже, не сон это был. В висках похолодело от тревоги за подругу, и я кинулась на поиски своего мобильного.

Телефон ждал меня на тумбочке у кровати, на нервной почве я долго не могла попасть пальцем на нужную кнопку, а когда вызов пошел, то сразу услышала любимый саундтрек Кимки из-под подушки, сохранившей даже отпечаток ее головы. И у меня появилось тревожное подозрение, что никакого ночного звонка не было, иначе не лежал бы телефон под подушкой так спокойно. Кимка унесла бы его с собой или выронила на палас у кровати. Хотя, что я торможу, это же легко проверить.

Последний входящий оказался от Кимкиной матери и был сделан вчера аж во время большой перемены. Окончательно потерявшись, я нажала на вызов, понимая, что вполне могу довести бедную Татьяну Валерьевну до инфаркта своими вопросами. Но другого выхода у меня не было, вдруг с подругой что-то случилось на ночной улице. А главное – почему она вообще там оказалась? Может, звонили на домашний?

Потянулись мучительные, тягучие гудки, а потом Татьяна Валерьевна ответила совсем не сонным и вроде как настороженным голосом:

– Да, слушаю.

– Это я, Дана, – затараторила я. – Скажите, а Кимка… то есть Лина, уже дома?

Пауза, потом короткий ответ:

– Она дома.

– Ой, как хорошо. – У меня появилась возможность вздохнуть полной грудью. – А то она убежала почему-то… у вас там все в порядке?

На этот раз пауза была еще длиннее, я успела даже алекнуть.

– Может, Богдана, как раз ты мне скажешь, что случилось у тебя дома? – спросила женщина подчеркнуто спокойно, но голос ее звенел от напряжения. – Мы с мужем очень хотим это знать.

– Ничего не случилось, что вы, в том-то и дело! Мы смотрели сериал, потом обе заснули. А потом я проснулась, а Лины нигде нет, хотя одежда тут, сапоги, телефон.

Тишина в трубке.

– Ой, а можно мне самой с ней поговорить? – сообразила спросить я.

– Нет, нельзя, – прозвучал быстрый ответ. – Лина сейчас в ванной. Послушай, Дана…

Пауза.

– Что? – пискнула я, готовая ко всему.

– Давай-ка я сама позднее с тобой свяжусь, когда пойму, что произошло. Ну, или Лина. А сейчас, прости, я должна заняться дочерью.

– Да, конечно, – пробормотала я в уже онемевшую трубку.

Машинально я отправилась на кухню, включила чайник, выключила, снова включила. Кимка сошла с ума? Может, у нее давно какие-то проблемы, типа ночных кошмаров, мы ведь вместе никогда не ночевали. Может, она проснулась и не поняла, где находится, запаниковала, бросилась наутек. Я слышала, есть такие люди, которые не вполне отличают сон от яви.

Да, но ночевать вне дома всегда запрещалось именно мне, не ей, злорадно подсказала память. Кимка, в отличие от меня, ездила на все школьные экскурсии, жила в гостиничных номерах с одноклассницами, сотни раз, к моей зависти, оставалась на всяких вечеринках с ночевками.

А может, что-то испугало ее? Странный, ни на что не похожий звук в ночи, неясная тень на стене, нечто мелькнувшее за окном? Может, ей показалось, что кто-то пытается проникнуть в квартиру, осторожно возится на лоджии?

А вдруг в нашей квартире по ночам и впрямь случается что-то необъяснимое? Может, мать потому и не разрешала мне никогда ночевать вне дома, боялась оставаться одна и у нее были на это веские причины? Ведь подругами в этом городе она так и не обзавелась и уйти из дома ей было некуда. Я-то сплю, по выражению матери, как дубиной по голове шарахнутая, вот и не в курсе ночной жизни квартиры.

Но все это чушь, конечно. Разве убежала бы Кимка, не разбудив меня? Даже если запаниковала, выскочила за дверь, то уж там точно подняла бы тревогу, стала бы звонить соседям, звать на помощь. Да и не стала бы моя скорая на решения мать жить в квартире, где непонятно что творится, враз бы переехала, хорошо, если не в другой город.

Звонок мобильного – Кимкиного! – заставил меня слететь с табуретки. Снова звонила Татьяна Валерьевна, голос у нее на этот раз был измученный, тусклый, и что-то шумело на заднем фоне.

– Дана, не разбудила?

– Да вы что, я и не ложилась. Как Лина?

– Не очень хорошо, – сдержанно сообщила женщина. – Сейчас ее на «скорой» везут в ЦРБ, мы с мужем едем следом.

А я-то надеялась, что все прояснится! Заорала со страху:

– Зачем в больницу, что с ней такое?!

– Пока ничего не ясно. Мы вызвали «скорую», когда сами не смогли ее успокоить, а врач посоветовал госпитализацию. Еще сказал, что могут быть повреждения, о которых мы не догадываемся, – тут она от страха громко икнула, – но Лина пока не дает себя осмотреть. Богдана, скажи мне правду…

– Какую?

– У вас там была вечеринка, мальчики? Из гимназии или кто-то еще, незнакомые?

– Да никого тут не было, только мы вдвоем! – завопила я возмущенно. – Можете прямо сейчас приехать и посмотреть, тут никого нет и все чисто!

– Тише, Дана, не кричи так. А вы что-то… пили?

Наверняка хотела спросить «употребляли».

– Что вы, нет конечно же! Ей же сделают анализы, сами увидите, что ничего такого!

– Тогда я просто не знаю, что и думать.

Тут я услышала, как на заднем плане что-то грубо и резко говорит Кимкин отец, словно автоматными очередями палит. Я отчетливо разобрала слово «лжет». Зашуршало, наверно, Татьяна Валерьевна прикрыла трубку рукой, выговорило торопливо:

– Ладно, Богдана, ложись и постарайся еще поспать. Все будет хорошо.

– Но вы мне позвоните, когда врачи скажут, в чем дело?!

– Обязательно. Все, отбой.

Глава шестая

Новая земля

Старейшина Владдух и в прежних своих богатых покоях всегда пробуждался раньше всех домочадцев, стоило лишь на востоке забрезжить светлой полоске. Вот и сейчас, едва небо из черничного сделалось лиловым, он разом открыл глаза. И по мере того как всплывали воспоминания о минувшей ночи, все шире распахивались выцветшие за годы очи старейшины.

Вчера он, сколько мог, все бродил по глубокому снегу, укутывал поплотнее хнычущих от холода детей, уговаривал старших перетерпеть всего лишь до рассвета. И мысленно прощался, и просил у каждого прощения за свою ложь. А когда начали гаснуть костры и лагерь погрузился в сон, устроился на последнюю ночевку и сам, прильнул спиной и затылком к теплому боку своего верного коня Вихрата. Вспомнил всех дорогих ему людей, родителей, покойную жену, двух убитых в городе сыновей, друзей веселой юности.

Помолился основательно всем идолам и духам, которые считались покровителями его народа. А потом до последнего, напрягая глаза, вглядывался в лицо Орлика, что сидел со своей невестой Деей у затухающего костра, накрыв ее и себя одной волчьей шкурой. Даже в последнюю ночь жизни они не посмели возлечь вместе, так и уснули сидя, привалившись друг к дружке и переплетя руки. Владдух видел, как белеют, покрываясь инеем, их волосы и мех дохи, а потом и видеть ничего уже не мог – холод склеил ресницы. Но еще слышал, как неспешно, поскрипывая настом, словно глумящийся над жертвой тать в ночи, приближается к стоянке их нынешний повелитель, тот, кто оказался сильнее всех божков, вместе взятых, – лютый мороз.

Но все же он проснулся. Ужас отравленной стрелой проник в сердце Владдуха: неужели вчера он позабыл какого-то из идолов, не отдал ему дань уважения, и тот в отместку позволил его жизни продлиться и увидеть мертвыми, обращенными в хрупкий лед всех тех, кого он любил? Или это наказание за то, что нерадиво правил своим народом, слишком доверял соседям и прозевал-таки опасность?

Заведя назад руку, Владдух провел ладонью по конскому боку – бок был теплый и мерно вздымался. Потом ощупал свои ноги, почему-то одеревеневшие, и быстро понял причину – на них спал, как на перине, свернувшись калачиком, старый пес Вук.

Старейшина посидел еще чуточку, отметив про себя, как стремительно наступает рассвет. Только что небо было темным омутом, но стремительно начало бледнеть, словно в черноту щедро вливали ведра родниковой воды. Скоро уже Владдух смог рассмотреть сына и Дею – они так и спали сидя, только сомкнутые прежде руки распались и теперь тонули едва не по локти в траве. В траве? Только сейчас старейшина сообразил, что там, где пару часов назад лежало сплошное снежное одеяло, теперь зеленела трава, щедро расцвеченная цветами и кустиками ягод.

Дея проснулась первой, широко распахнула глаза, повела головой – и улыбнулась во весь рот почти без удивления. Как будто ничего другого и не ждала увидеть. Склонила голову, приветствуя старейшину, и негромко поделилась с ним:

– Я так и говорила Орлику, что все будет хорошо. Вчерашние вечерние видения были так мрачны, что в них должно было скрываться хоть зернышко радости.

Вук, услышав голос своей любимицы, разом слетел с ног хозяина и рванул по траве выражать девушке свой восторг. Конечно же разбудил Орлика, который долго изумленно озирался, а потом весело крикнул отцу:

– Напрасно мы вчера мучились и искали вход. Он с самого начала был здесь, у нас под ногами!

Между тем лагерь просыпался, отовсюду слышались возгласы, смех и плач, счастливый визг ребятишек. Люди, не веря своим глазам, перебегали с места на место, пробовали ягоды, простирали руки к небу, теперь ласково-васильковому.

Тем временем старый Владдух внимательно озирал место, в котором они оказались. Что-то осталось прежним, пять яиц-валунов так и торчали на своих местах, но если вчера каждый из них тонул в снежном мареве и казался недостижимо далеким, то теперь они словно приблизились, окружили поляну и сверкали на солнце, точно сахарные. Да и сама поляна имела форму яйца, со всех сторон ее запирал удивительный смешанный лес, где елки чередовались с фруктовыми деревьями, чаще – знакомыми яблонями и вишнями, но были и другие, неизвестные, с разноцветными плодами. Владдух слышал, как его сын выкликал добровольцев, чтобы попробовать незнакомые фрукты, и, судя по веселым выкрикам и смеху, недостатка в таковых не было.

Воздух звенел от птичьих голосов, но вот странность: сколько ни закидывал старейшина голову, не разглядел ни одной птицы. В небе мельтешили вроде как клочки тумана, подкрашенные то красным, то синим, то несколькими цветами сразу. Владдух попенял на свои старые глаза да на слишком яркий солнечный свет.

Много времени прошло, прежде чем народ, утомившись от беготни и новых открытий, собрался в центре поляны обсудить происходящее. Старейшина спросил у храбрецов, съедобны ли те плоды, которые они попробовали. Те со смехом отвечали, что, даже если им суждено через час умереть в муках, это будет самое вкусное, что они отведали в своей жизни. Запасливые женщины показывали найденные на опушках леса грибы размером с голову младенца, орехи, съедобные травы. По всему выходило, что смерть от голода в ближайшее время им не грозит.

Вот только орех и гриб – несерьезная еда для молодых мужчин, да и для малых ребятишек. Жалко было и псов, что разделили с ними все тяготы пути, а теперь страдали от голода. Вот и старый Вук, вдоволь набегавшись и накувыркавшись в траве, вспомнил кое о чем поважнее и неотрывно следил за хозяином подслеповатыми молящими глазами. И тут не могли помочь разноцветные сверкающие камни, которые женщины тоже сперва собирали в подолы, а потом и брать перестали. В их прежнем мире из-за каждого такого камешка могла начаться война…

– Пусть те, кто в силах, отправится в лес на разведку, – отдал приказ старик. – Возможно, совсем рядом есть поселение или даже город. Но первым делом хорошо бы поймать хоть какую-то дичь, чтобы подкрепить силы больных и раненых.

Вызвались снова почти все молодые мужчины, даже те, кто еще страдал от обморожения или ран. Все они в голос уверяли, что им с каждой минутой становится лучше, но Орлик все равно отобрал только самых крепких и здоровых. А когда подошел к лошадям, пасущимся вокруг большого камня, то углядел там свою невесту, уже оседлавшую с непреклонным видом чалую лошадку Айку.

– На охоту едут одни мужчины, – сообщил девушке Орлик, пряча улыбку.

– Что ж, моя мать мечтала об еще одном мальчишке весь срок, пока вынашивала меня, – прозвучал немедленный ответ.

– Дея, послушай, мы ведь не знаем, с чем столкнемся в этих лесах. Наш поход может быть опасен.

– Ну, в таком случае я защищу тебя, мой будущий муж и повелитель, – блеснула глазами и зубами острая на язык девица и похлопала Айку по шее.

Та очень бодро устремилась к опушке леса. Пришлось Орлику поторапливать своих товарищей и уже верхом догонять девушку.

А старейшина Владдух, оставшись в лагере, присел отдохнуть у белоснежного камня и в одиночестве предался раздумьям. Неужели и вправду в этом мире нет смерти, как говорилось в легенде? Все его люди будут отныне жить вечно, и он

вместе с ними? Но ведь он уже старик… Но не то чтобы древний, конечно нет. В его возрасте еще хочется дождаться внуков, услышать их первый лепет, а когда чуточку подрастут, передать им накопленный опыт, сказки и предания. И потом без тоски и сожалений уйти туда, где давно дожидалась его жена, а теперь и два старших сына, родители, чьи лица он начал забывать, друзья. А что же будет теперь?

Небольшой отряд тем временем давно уже ехал по лесу. Тропинок здесь не было, но местные деревья росли не кучно и, похоже, редко теряли листья и ветки, так что кони легко шагали вперед без всяких понуканий, утопая копытами в удивительно сочной и высокой местной траве. Вот только никакой добычи им пока не перепало, даже увидеть издали не удалось.

Да и, по правде сказать, никто из едущих гуськом по лесу за свою жизнь не убил ни одной зверушки крупнее комара. С собой у них были найденные по пути и спешно обструганные палки, которые должны были заменить копья и дубины, игрушечными подобиями коих разве что в детстве играли. Но они были молоды, и каждый верил всей душой, что, попадись ему зверь, олень или вепрь, да хоть зайчишка, уж он сообразит, как с ними поступить. Вот только никто не попадался. Возможно, виной тому был неумолчный птичий грай над кронами деревьев, наверняка упреждающий живность о приближении опасности.

Иногда одному или сразу нескольким мерещился зверь за деревьями, но он стремительно испарялся, а между горе-охотниками тут же разгорались шумные споры.

– Это был волк! – уверял один.

– Никогда не слыхивал про волков с такими длинными ушами! – хохотал другой.

– Это просто ветер поиграл немного ветками, – подводил итог третий.

Только Дея была поглощена серьезным делом: она уже заполнила платок и подол сарафана грибами, ягодами и пряными травами.

Наконец решено было устроить привал, чтобы обсудить, что делать дальше. Всадники как раз выехали на изумрудную, абсолютно круглую полянку, через которую вился-струился ручей. Чтобы развести костер, ободрали пропитанную

янтарной живицей сосновую кору, набрали берестяных лохмотьев, подожгли огнивом, пожарили на ветках грибы и коренья, что припасла Дея. Ели и посмеивались, вспоминая мясные похлебки, хлебные караваи, сырные головы, жбаны с мочеными яблоками и прочие угощения, к которым привыкли в прошлой, мирной жизни. Впрочем, грибы и сладкие клубни вполне удовлетворили молодые желудки. А покончив с едой, развалились на траве и, глядя в небо, хором затянули свои старые песни.

Дея, устроившись чуть поодаль, у ног своей лошадки, слушала, прикрыв глаза, привычно выхватывая из мощного сплетения голосов тот, что был ей дороже всего мира, ее путеводной нитью с той поры, как ей минуло десять лет. В голосе любимого она чутко улавливала беспокойство – Орлик и вообразить себе не мог, как вернется к своему народу без добычи. Тут девушка тяжко вздохнула, открыла глаза – и ахнула.

Сперва ей показалось, будто небесное облако спустилось, заслушавшись, на поляну и незаметно разлеглось под деревьями. Или их застиг лесной пожар, и это не облако, а дым, который, однако, ничуть не беспокоил чутких лошадей. Пение прервалось, юноши вскакивали на ноги и несмело приближались к копошащимся теням. Скоро они уже различили под ветками очертания зверей, крупных и мелких, от пары волков до выводка белок. Вот только были они все полупрозрачные, так что сквозь смутное марево с намеком на окрас животного был виден опаловый скелет, темные провалы глазниц с интересом и без страха взирали на людей.

Сначала никто не мог и слова произнести. Потом самый юный из них, двенадцатилетний парнишка Видан, порывисто схватил за локоть Орлика:

– Да кто они такие?!

– Думаю, это призраки, которые прежде были живыми существами, – спокойно отозвался Орлик. – А значит, и мы…

Он не договорил, но все поняли без слов. Выходит, прошлая ночь все же убила их, и сейчас они в новом мире, о существовании которого прежде лишь смутно догадывались. Что ж, все обстояло не так уж плохо.

– Но тогда здесь должны быть и другие! Отыщем их поскорее! – в невероятном волнении вскричала Дея.

При нападении на город она потеряла родителей и старшего брата и теперь была готова сломя голову мчаться на встречу с ними. Кому нужен другой мир, если в нем не ждут тебя самые близкие? Девушка уже обернулась к своей лошадке, прикидывая, куда поскачет в первую очередь. Но Орлик, глядевший в другую сторону, крепко сжал ее руку:

– Кажется, нас самих уже нашли…

Три человека неслышно возникли из-за деревьев. Они были пешие, облачены в длинные красные плащи, перетянутые плотными кожаными поясами, с накинутыми капюшонами и на первый взгляд не имели при себе никакого оружия. Старшему было лет тридцать, его энергичное лицо выглядело холеным и на первый взгляд приятным, но змеиная улыбка на тонких ярких губах и длинные сверкающие зубы заставили Орлика насторожиться. Стоящий рядом с ним юноша взирал на них равнодушно и устало, тогда как глаза старшего так и сверкали. И когда Орлик осознал, куда направлен его взор, то пожалел, что не держит в руках никакого оружия…

Третий словно прятался за спинами первых двух, плащ на нем сидел так, будто человек был очень толст или под одежкой вообще притаились двое. Капюшон укрывал лицо до подбородка, и Орлику почудилось, что это и не человек вовсе…

– Приветствую вас, странники, – высоким голосом произнес самый старший. – И сколько же вас тут? Недавно пожаловали в наш мир, верно?

Он говорил так, как разговаривали прибывшие в Кречет заморские гости, и, значит, язык Орлика и его друзей не был для него родным. Но говорил бойко, уверенно. Орлик и все остальные помалкивали, да никто, кажется, и не нуждался особо в их ответе. Только юноша внезапно вышел из спячки и что-то спросил на незнакомом языке, указывая на пасущихся лошадей. Старший немедленно перевел:

– Мой воспитанник хотел бы знать, что это за диковинные создания? Как вы их зовете? Вы привели их с собой?

Орлик, удивляясь, объяснил, что создания зовутся конями, именно они донесли людей на своих спинах до этого удивительного края, который, видать, вовсе и не на земле расположен…

– Отчего же не на земле? – скривил сочные губы старший. – На земле. Только на особенной. Здесь каждому рады, да не каждый рад, что попал сюда. Но вы, похоже, пришли сюда не с пустыми руками.

Юноши растерянно переглянулись, не совсем понимая, что этот странный человек имеет в виду. Покидая в спешке город, они не взяли с собой ни золотых слитков, ни драгоценных камней, да и вряд ли все это ценилось здесь, где такие же камни, только куда краше и крупнее, валялись прямо под ногами. Орлика же все больше волновало то, что старший, болтая, не отрывал глаз от его Деи.

Шагнув так, чтобы загородить собой девушку, он сказал:

– Вы, верно, имеете в виду наших коней, других богатств у нас нет. Да только эти кони не продаются, они не приучены к тяжелой работе и признают только нас. Но среди нашего народа много молодых, сильных юношей, и мы готовы на любой труд…

Пришелец прервал его взмахом невероятно белой, изнеженной руки.

– Ваши кони нам не нужны, в этом мире хватает, на чем или на ком ездить, – ухмыльнулся он. – А работники тут и вовсе не ценятся. Но ведь это все вы не с собой сюда принесли?

Он выбросил вперед и широко развел руки, указывая на середину поляны. Орлик и все прочие повернули туда головы – и изумленные возгласы зазвучали со всех сторон. Вокруг костра теперь стояли в траве и котлы, полные вареного мяса, и крынки с молоком, сырные и сахарные головы, кадушки с мочеными яблоками и соленой сельдью.

– Да как же это? – ахнул юный Видан. – Откуда?

Поскольку никто не мог ему ответить, снова заговорил зубастый незнакомец:

– Вы сами попросили все это, сидя у костра, и заплатили за свою просьбу. Это хорошо. Не всем здесь так улыбается удача.

Помолчал немного, скользнул зорким взглядом по изумленным лицам и добавил, загадочно улыбаясь:

– Мы пока покидаем вас. Поживите некоторое время спокойно. А потом… поглядим.

И все трое словно растворились в лесу, а Орлик и его друзья еще долго ошеломленно то взирали им вслед, то таращились на щедрые дары у костра…

Глава седьмая

Сюрприз

На кухне я просидела еще минут десять, но строить версии уже не было сил: голова отяжелела, даже простые мысли, вроде того что нужно пойти и запереть входную дверь, ворочались в мозгах с усилием, как бегемот в болоте. Тело стало таким тяжелым, словно в меня свинец залили по самое горло. Я выползла сперва в коридор, едва управилась с замком, потом побрела в свою комнату. Упала поверх одеяла, сил не хватило даже подтянуть подушку. И тут же отрубилась.

Проснулась, наверно, по привычке, в половине восьмого, как всегда в школу. Сон мне ничуть не помог, в мозгах ныло и постреливало, веки опухли и почти залепили глаза, как всегда бывало, стоило мне сильно понервничать. За окном было все так же темно, до рассвета – час. Я уже планировала рухнуть обратно, но тут спохватилась: мама ведь может вернуться в любой момент, что я ей скажу? Теперь мне едва ли удастся скрыть нарушение самого главного правила,

но постараться все же стоило.

Шатаясь и охая, принялась наводить порядок, точнее, скрывать следы Кимкиной ночевки. Застелила кровать, припрятала на верхней полке своего шкафа ее свитер с джинсами, сапоги запихнула за шкаф, чужой телефон сунула в школьную сумку. Подумав немного, я даже отключила домашний телефон, хотя, конечно, это мало что меняло. Наши мамы не дружили, но часто и тепло общались, и, если Татьяне Валерьевне захочется обсудить с моей матерью случившееся… Но, может, пожалеет и не станет названивать больному человеку?

Странно, но в школу я почти не опоздала. Ну разве что немного: звонок протрезвонил, когда бежала через школьный двор. Мне оставался последний рывок, когда вдруг на моем пути выросла какая-то фигура, и я врезалась в нее, как в стену из очень плотной резины.

Дорогу мне преграждал Вилли Мажейкас. Он не взял меня за плечи, а положил на них свои огромные пудовые кулачищи, которые Кимка любовно называла Фобос и Деймос, и этим почти впечатал в землю. Я испуганно замерла, не до конца узнавая приятеля: его всегда спокойное лицо сейчас было пепельно-белым и вообще жутковатым.

– Говори, что случилось ночью у тебя дома! – рявкнул он.

– Откуда ты знаешь?..

М-да, не лучший ответ, но я правда была убеждена, что Вил пока не в курсе случившегося.

– Мне позвонил ночью отец Лины, думал, я тоже был там, с вами! – отвечал парень отрывисто. – Я сразу вызвал шофера и рванул в больницу.

– Как Кимка…

– На вопрос отвечай! – заорал Вилли так, что я невольно закрыла руками уши. – Что было ночью?!

– Ничего не было, ты что, – забормотала я испуганно. – Сам знаешь, мы с ней вдвоем решили кино посмотреть…

– Но она мне сказала, что не останется у тебя на всю ночь!

У меня нашлись силы удивиться. Похоже, Кимка малость надурила своего парня или правда считала, что это полноценной ночевкой не считается, но ему-то что за дело? У меня что, плохая репутация, со мной опасно находиться наедине?

– Ты правда думаешь… – начала я, давя из себя улыбку, довольно жалкую, наверно.

– Я не думаю, я тебя спрашиваю! Скажи мне, что она видела? Что?! – Рык Вилли стал ужасен, кулаки сместились ближе к моей шее.

– Эй, полегче. – Сашка Дятлов вклинился между нами. – Кулачищи с нее убрал!

Он, видно, выскочил из школы, потому что был без верхней одежды. И какое же это облегчение, что он сразу пришел на помощь! Меня трясло, и даже не от страха, а от чувства нереальности происходящего. Вилли развернулся к Сашке так стремительно, будто собирался немедленно атаковать его. Но тут со стороны дороги просигналила машина, он дернулся, посмотрел туда, потом снова на меня. Сказал тихо, грозно:

– Очень надеюсь, что с Линой все обойдется…

И умчался прочь, только асфальт задрожал у меня под ногами. Тут уж Дятлов развернул меня к себе и спросил встревоженно:

– Данка, что там у вас произошло? Почему Вил так взбесился? Что с Линкой?

Общую канву случившегося я пересказала ему, пока мы шли к школе. Да и рассказывать-то было особо нечего, я ведь проспала самое важное. Ну, если оно вообще было. Второй раз Сашка взял меня за плечи уже возле раздевалки, так приятно было видеть сочувствие на его лице – и никакого осуждения или подозрения.

– Слушай, я не уверен, что нам стоит идти на уроки. Все равно с тебя толку не будет. А у меня сегодня олимпиада… должна была быть. Но отменили из-за карантина по гриппу. Что скажешь?

– Мать утром возвращается из больницы, не хочу маячить дома. – Меня снова окатил озноб от мысли, что нарушение правила неминуемо выплывет на свет.

– А зачем обязательно дома? Я же сказал – нам. То есть я составлю тебе компанию. Можно снова отправиться на то самое кино, фильмец отстойный, но хоть поспишь в удобном кресле. Проверено.

– Сашка, а чего ты меня домой к себе больше никогда не приглашаешь? – Сама не поняла, как у меня вырвалось, вообще не собиралась об этом спрашивать.

Дятлов помрачнел, отвел глаза и ответил кратко:

– Обстановка в доме… не гостевая.

Похоже, проблемы не только у меня.

– Ну что, я пошел за курткой?

– Давай, – вздохнула я. И вдруг вспомнила, что не завтракала, наверно, поэтому внутри меня такая пустота и зябкая дрожь.

Через полчаса мы сидели в кафе с видом на нашу городскую пешеходку, я жадно глотала горячий и немыслимо острый суп, ледяная скала внутри меня таяла и истончалась, так что наконец я перестала трястись. Сашка пил свой морс, обдумывал что-то, на меня не смотрел – терпеть не могу, когда смотрят во время еды, и он об этом знает.

– Ну что, полегчало? – хмыкнул, когда я отодвинула тарелку и сыто откинулась на спинку диванчика. – Видок у тебя был как у алкашки: бледная, глаза запали, трясешься.

– Я так себя и ощущала. Хоть не знобит теперь. Ну что, у тебя появились идеи насчет Кимки?

– Да вот думаю. Знаешь, может, все проще, чем кажется, и нечего тут ломать голову? Иногда у людей что-то сдвигается в мозгах без всякого повода. Кажется, это острый психоз называется или что-то в этом духе.

– Но у Кимки с психикой все в норме, насколько я знаю.

– Насколько знаешь, вот именно. Она могла испытывать стресс на новом месте, да еще зная, что твоя мама такие ночевки почему-то не одобряет. Прислушивалась, не звякнет ли ключ в замке, волновалась. Потом уснула и во сне испугалась чего-то еще больше, сознание помутилось, и вот…

Я пожала плечами. Тревожно за Кимку, если так, но это все же вариант, хоть отчасти снимавший с меня вину за случившееся.

– Ну ладно, рассмотрим уж сразу все возможности, – не унимался Дятлов. – Я понял, что тебя беспокоит: почему твоя мать такие ночевки запрещает и нет ли тут какой-то связи? Допустим, во сне ты начинаешь буянить, говорить какие-то глупости, ругаться и все в этом роде. И допустим, ты так себя ночью и повела. Как бы Линка поступила?

– Разбудила бы меня и хорошенько врезала, чтобы привести в чувство, – ухмыльнулась я. – Ну, или в обратном порядке.

– А допустим, поперло из тебя что-то, ты начала признаваться ей в любви и твердить: дорогая подруга, будь моей! Тогда как?

– Тогда бы точно сперва врезала. И такое из меня бы уж точно не поперло! Я нормальная, к твоему сведению!

Я понемногу начинала заводиться. Первый вариант нравился больше, вот и стоило на нем остановиться. Но Сашку уже несло:

– Ладно, проехали, нормальная. В комнате твоей очень темно по ночам?

– Вообще не темно. Я оставила включенной настольную лампу, только занавесила ее. Ну, так правильнее смотреть ноут и вкусняшки проще доставать.

– Ясно, – почему-то развеселился мой друг. – И на парня ты тоже совсем не похожа.

– Че-го? Это еще что значит?

– Ну, я рассматривал вариант, что проснулась Лина, со сна не поняла, где находится, рядом парень, и это определенно не Мажейкас.

Тут Сашка напряг лицо и расставил на столике кулаки, очень похоже изобразив нашего Вила. Я захихикала, а потом обиделась за Кимку:

– Это, может, у тебя такое бывало! Нечего на других переносить, ясно?

– Может, и бывало, – беззаботно отозвался Дятлов. – Ладно, все доступные варианты мы перебрали, больше тут думать нечего. Уверен, что тебе очень скоро позвонит Линка – или ее родители – и расскажет, в чем там дело.

Я протяжно вздохнула: хорошо бы. Мне уже не хватало моей верной подруги, столько лет мы делили на двоих все наши горести и секреты. Потом вдруг спохватилась:

– Да, насчет Вила. Он такую странную фразу сказал, до меня сейчас только дошло. «Что она видела?» Понимаешь? Не что я с Кимкой сделала или что у нас произошло, а что она видела. Как будто… ну нет, я даже не знаю, как это понимать.

Сашка обеими руками взлохматил свою шевелюру, на миг его лицо отразило глубокую задумчивость. А потом он просто отмахнулся от меня, как от мухи:

– Да забей! Для Вила русский не родной.

– Ой, не надо. Сам знаешь, он по-русски говорит лучше многих русскоязычных!

– Ну, разволновался человек, можно его понять. Я бы тоже с ума сходил, случись что с одной девчонкой. Ты ее не знаешь, – добавил он и расплылся в лукавой улыбке.

Но мне сейчас было не до игр, честное слово.

– Может, мне поехать в больницу? Когда у меня вырезали аппендицит в девятом классе, Кимка тут же примчалась и с моей мамой в холле дежурила. А это вообще в Питере было.

Но Саня решительно отклонил мою идею:

– Не стоит пока. Давай все-таки подождем, хотя я, может, позднее съезжу, разузнаю, что там и как. А может, она дома уже, я сперва Вилу звякну. Ну, чем дальше займемся? В кино или просто побродим? В Питер можно смотаться.

– Нет, мне нужно домой. Если мама уже там, скажу, что голова разболелась, с уроков отпустили. Хочу ее поскорее увидеть.

– Все ясно, – к моему удовольствию, заметно погрустнел Дятлов. – Пошли, провожу до дома.

Провожать недалеко пришлось – мы живем на улице, соседней с пешеходной зоной, на нее можно попасть через подворотню, а можно обойти с выходом на проспект. Мы выбрали дальний путь, расставаться не хотелось. Наш с мамой дом-башню из красного и рыжего кирпича окружает прочный забор с калиткой и кодовым замком, чтобы чужие не шлялись по двору. Дорожка от калитки до подъезда вся оказалась усыпана опавшими кленовыми листьями – дворник, что ли, заболел. Смотрелась она здорово, особенно когда вдруг выглянуло одним боком солнце и асфальт полыхнул бордовым и золотым. Но уже через пару шагов мой правый каблук поехал на одном из подмокших листьев, Саня едва успел обхватить меня за плечи. Его руки задержались, хотя я уже снова утвердилась на земле. А во дворе – никого. Я подумала, что такого шанса Сашка не упустит, если он… если я для него не только подружка детства. И замерла, боясь спугнуть момент. Мне так хотелось определенности, особенно сейчас, когда все шло не так, как нужно.

Но Дятлов уже опустил руку, предварительно потрепав меня по плечу, словно собачку.

– Ну давай, Данка! Беги домой и не падай! Позвони мне, если будут новости насчет мамы или Лины.

«Не дождешься, болтун и обманщик!» – прошипела я себе под нос, спеша прочь с гордо вскинутой головой.

Хотя никогда Сашка меня не обманывал. Но лучше бы обманул! Да любой нормальный парень хотя бы притворился в такой ситуации!

* * *

Мама уже успела вернуться – это я поняла, едва отворив дверь. Пахло чем-то вкусным, на кухне бухтел телевизор. И я облегченно выдохнула, потому что боялась увидеть мать в постели, слабую и вялую. А еще больше – застывшую в гостиной на диване в ожидании меня, чтобы задать вопросы насчет прошедшей ночи и нарушенной клятвы. Но раз готовит, значит, не так все плохо, поскольку мамин девиз: «Нельзя заряжать продукты дурным настроением!»

Я без спешки разделась, в ванной умылась и прополоскала рот, удаляя запахи китайской кухни, потом сделала в меру страдающее лицо и в таком виде возникла на нашей кухне.

Мать в момент моего появления сгружала ингредиенты в бокастую суповую кастрюлю – готовила харчо. На ней был домашний халат, сверху – фартук, но из-под них выглядывала зауженная юбка светло-голубого шанелевского платья, в больницу она уж точно не в нем ходила. Неужели к Кимам в гости собралась? Ой, только не это! А куда еще?

– Привет, мам, – пробормотала я, мысленно сдаваясь и готовясь к худшему.

– Привет-привет. – Мать отвечала, не оглянувшись. – А я все жду, когда тебе надоест прятаться в прихожей. И почему мы не в школе?

Всегда знала, что у нее глаза на затылке и слух как у орла!

– Голова очень болит. Классная отпустила, сейчас же все боятся эпидемии гриппа, – бодро соврала я. – В Питере уже школы закрывают, – добавила, удачно вспомнив, почему Сашка не поехал на олимпиаду.

– Но, понятное дело, грипп тут не при делах, – парировала родительница. – Во сколько вчера расстались с Линой?

Бросило в жар, запершило в горле, мне едва удалось выдавить:

– Н-не очень поздно. Не помню точно. Но уже темно было, конечно.

– Нормальная еда почти не тронута, зато холодильник забит корейской смертью желудку, – сердито резюмировала мать.

Вот же я дура, все прибрала, а очистить холодильник забыла! Тогда бы, может, и разговора про Кимку не возникло, не пришлось бы сейчас врать и дергаться. Самым мучительным было то, что мама мне вроде как верила, не доискивалась, не уточняла время ухода подруги. Была уверена, что сдержу слово, и это неожиданно оказалось едва ли не худшим из случившегося. Если не считать, что я до сих пор не в курсе, что с Кимкой.

– Мам, ты как вообще? – поспешила я сменить тему. – Тяжелые были процедуры?

– Да все нормально, – скороговоркой откликнулась мать, таким голосом она говорила, когда не хотела на какой-то теме задерживаться. – Тяжело было лежать под капельницей почти пять часов подряд, а так пока никаких неприятных последствий.

– А я не поняла, ты что, собираешься куда-то? Разве у тебя не постельный режим?

Я обличающе потыкала пальцем в торчащий край юбки.

– С какой стати? – почти возмутилась мать. – Наоборот, врачами велено всячески расхаживаться, двигаться, пока есть возможность!

– А куда ты собираешься двигаться в этом платье, по парку гулять, что ли?

Мать опустила глаза, словно сама малость удивилась, откуда вдруг на ней этот наряд. Макияж, кстати, у нее тоже был совсем свеженький. И поярче, чем она обычно впопыхах красилась на работу. Мать задумчиво перевела взгляд на часы

над кухонным столом. И сказала:

– Давай-ка, Богданка, мы с тобой чайку попьем, а потом я тебе таблетку дам от головы, чтобы не глотать химию на пустой желудок.

– Не хочется, мам! – Я едва не сболтнула, что желудок у меня очень даже не пустой, но вовремя прикусила язык.

– Ну тогда просто присядь, – посоветовала мать.

– Ой, что такое? – перепугалась я и немедленно шмякнулась на табурет, потому что у меня аж ноги затряслись противной мелкой дрожью от ее тона.

А коварная моя родительница, особо не торопясь, зачерпнула столовой ложкой суп, подула, попробовала. Уменьшила огонь и накрыла кастрюлю крышкой и только после этого села на стул напротив меня, на самый краешек, чтобы не мять юбку. И сказала:

– Так, Данка, только без паники. Соблюдай спокойствие. Я через два часа выхожу замуж.

– Что-о?!

Я чуть на пол не сверзилась, так это неожиданно прозвучало. Не то чтобы я была такой уж противницей материнского брака, понятное дело, я хочу ей счастья. Просто за все годы, что мы живем с ней вдвоем, никогда и темы такой не возникало. И вдруг так молниеносно… и разве не должна она была прежде обсудить это со мной?

– Спокойно, дочка, это чисто деловой момент, – усмехнувшись уголками губ, продолжала мать. – У нас с тобой сейчас не самое простое время – я имею в виду свою болячку. Конечно, я с этим справлюсь, но кое-какие меры для своего же спокойствия решила принять. Кстати, имей в виду, что в моем положении покой – едва ли не главное условие выздоровления, – ввернула она ловко. И продолжила: – У меня на работе есть хороший знакомый, можно сказать, друг. Отличный человек, правда, какой-то невезучий, одинокий. Зато очень надежный. Я сама попросила его о помощи, и он мне не отказал. Этот брак нужен на самый

непредвиденный поворот событий, чтобы у тебя в любом случае остался опекун.

– Но у меня вроде есть отец, – пробормотала я.

– Да неужели? – Ироническая улыбка маме очень шла. – Это с которым ты в последний раз говорила по телефону, когда училась в первом классе? И ты готова, если что, переехать к нему, где бы он там сейчас ни проживал?

– Если что? – У меня онемели губы и кончик языка.

– Сама знаешь, не младенец, – отмахнулась мать. – Давай-ка по делу и без лишних эмоций. Так что?

Отца своего я даже не помню, когда видела в последний раз. Иногда он звонил, мать передавала от него приветы, но лет с семи я категорически отказывалась подходить к телефону и позднее не разрешила матери дать ему мой мобильный номер. «Подлый предатель» – вот под каким кодовым именем он у меня проходил. Может, я была не такой категоричной, если бы мы нуждались в деньгах, но, по счастью, мать отлично зарабатывала. Как шли дела у предателя – не знаю и знать не хочу.

– Не волнуйся, скорее всего, ты с этим человеком – его зовут Борис Ильич – увидишься от силы пару раз. Или вообще всего один, – продолжала невозмутимым голосом мать. – Я собираюсь вас познакомить на следующей неделе, пока не знаю, сюда его пригласить или в кафе втроем посидим. Но при любом раскладе у тебя будет опекун, который прикроет тебя перед официальными органами, защитит и все такое. Вот и все, что тебе нужно о нем знать. Кстати, я уже опаздываю. – Мать глянула на часы и засуетилась, вскочила, скинула халат вместе с фартуком и тщательно разгладила ладонью юбку.

– Может, мне с тобой пойти? – спросила я ошарашенно, тоже сползая с табуретки.

– Это еще зачем? – от души изумилась мать.

– Ну… все же свадьба. Что же вы будете, только вдвоем в этом зале? И свидетели ведь нужны…

– Данка, не блажи, – сказала мать свою коронную фразу и закатила глаза. – Свидетелем моим ты быть не можешь, с ними и так все в порядке. И не будет никакого зала, с какой стати? Это же простая формальность. Иди отдыхать, только сначала выпей таблетку. Голова все еще болит?

– Прошла уже, – мрачно отозвалась я. – От твоих сюрпризов.

– Ну вот видишь, как отлично все устроилось, – широко улыбнулась мама.

Потом вдруг приблизилась, погладила меня по щеке прохладными пальцами и произнесла странным тоном:

– Совсем большая ты у меня выросла, а я вроде и не замечала. Ты прости меня.

– За что? – чуть не ахнула я. Не помню, чтобы мать когда-либо просила у меня прощения.

Моего вопроса она вроде как не услышала.

– На следующей неделе мы с тобой сядем вечерком и о многом подробно поговорим.

– Это о чем еще? – Нет, сегодня я точно свихнусь от тревог.

– Ну, найдутся темы. Как мать с подросшей дочерью.

– Ну хоть не о парнях? – просипела я убитым голосом.

– Нет, – усмехнулась мать. – Хотя, если накопились какие-то вопросы…

– Нет!

– Ну и замечательно! Суп выключи через пять минут, крышку сними. Все, целую, побежала.

Мать напоследок окинула внимательным взглядом свой силуэт в дверце холодильника – он у нас был чем-то вроде кухонного зеркала, я тоже часто в него поглядывала, – и поспешила на выход.

– Поздравляю, – брякнула я ей в спину, совершенно сбитая с толку. Надеюсь, она хоть не расслышала.

Глава восьмая

Записка

После того как стукнула входная дверь, я еще постояла немного истуканом посреди кухни, ошеломленная, стараясь переварить невероятные новости. О чем мама собирается со мной говорить? Уж не об этих ли странностях, которые преследуют меня с детства, ну, или существуют только в ее голове? Неужели дикие материнские запреты все же имеют какое-то разумное объяснение? А я даже не уверена, что готова это объяснение выслушать, хотя, с другой стороны, сейчас мне, как никогда, нужно знать, что происходит.

Я снова переключилась на мысли о Кимке и спросила себя, почему до сих пор мне никто не звонит. Ну должно уже хоть что-то проясниться! Пошла в свою комнату, достала из портфеля айфон подруги, поставленный на беззвучный режим. Ого сколько звонков! Я не удержалась, сунула нос в список неотвеченных: больше всего звонков от наших одноклассников. Значит, какие-то слухи уже пошли, иначе не стали бы так доставать человека, разок не пришедшего на занятия. Хотя, в отличие от меня, Кимка вела активную

школьную жизнь, и в нашем школьном театре под названием Much Fuss About Nothing играла, и праздники готовила. Собравшись с духом, я снова позвонила Татьяне Валерьевне.

– Еще раз здравствуй, Дана. – Голос ее звучал спокойно, но очень устало, словно она уже не могла ни на что толком реагировать.

– Теть Таня, как там Лина? Ей получше?

– Да, уже почти все в порядке. Она успокоилась и спит.

А я-то надеялась, что подружке сейчас передадут трубку и мы поболтаем, как обычно! Ну ладно, хорошо хоть, она в порядке. Почти…

– Здорово, – пробормотала я. – А у меня тут ее телефон, и звонков очень много, ребята волнуются. Хочу отдать, ей же в больнице он наверняка нужен…

– Лина уже дома, – перебила меня Татьяна Валерьевна вроде как даже испуганно.

– Ой, правда? Ее не положили в больницу?

– Нет, ну что ты, нам просто оказали помощь, дали рекомендации и отпустили домой. Завтра поедем в Питер на консультацию. А телефон… Линин папа скоро поедет с работы домой, я попрошу его, он заберет.

– Ой, а можно, я лучше сама занесу? – перебила я, припомнив, как злобно звучал ночью голос Кимкиного отца, всегда такого доброго и спокойного. – Я как раз иду сейчас по одному делу, в сторону вашего дома.

– Хорошо, – рассеянно отозвалась женщина. – Тогда отдай телефон внизу нашей вахтерше Вале, ты же ее знаешь? А она позвонит, и я спущусь за ним.

– Ладно. – Я едва выдавила это слово, подступившая к горлу обида чуть не задушила меня.

Вот так меня только что отлучили от места, которое я считала своим вторым домом, куда прибегала много лет подряд в любом настроении, иногда даже в слезах, – это в тех случаях, когда категорически не желала идти к себе после очередной ссоры с матерью. И всегда мне там были рады, дядя Сережа улыбался ласково, тетя Таня шушукалась со мной, утешала, что-то такое объясняла про загадочный мир взрослых. И все это закончилось, стоило Кимке сочинить про меня какую-то ерунду! Какую-то гнусную ложь!

Я едва взяла себя в руки, напомнив себе, что вообще-то Кимка так ничего и не объяснила насчет прошлой ночи. Или объяснила? Но мне об этом, похоже, никто сообщать не собирается. Ну и ладно, значит, нет у меня больше лучшей подруги! И наплевать, школа все равно заканчивается, в универе, или куда там поступлю, найду другую, не такую психованную!

Я все же оделась и побежала к дому Кимов, воображая, что с возвращением телефона разрываю последнюю ниточку между мной и Кимкой и символически открываю себя новым дружбам. Правда, по пути мне пришла в голову еще одна версия случившегося – жутковатая, прямо скажем. А если на самом деле все не так, как кажется? Допустим, Кимка ночью вдруг вспомнила, что оставила в доступном месте то, что родителям видеть не следует. Ну, скажем, глубоко интимную записку от Вилли. Эти двое скучают друг по другу, даже когда сидят во время урока на соседних партах, и скрашивают минуты до звонка бурной перепиской. Я не суюсь, но лица их при этом так пылают, что сразу понятно – переписка не для родительского чтения. Вот вспомнила об этом Кимка и помчалась домой, забыв переобуться, а на улице с ней случилось что-то ужасное, о чем она не скажет родителям и Вилу даже под страхом смерти. Вот и получается, что единственный для нее выход – это валить все на меня. Но нет, все равно не складывается: уж тапки она переодела бы.

С головой, распухшей от мыслей, и с покрасневшими глазами я дошла до Кимкиного дома, постучала в окошко маленькой будочки на входе и протянула худенькой черноглазой тете Вале пакет с телефоном.

– Вот, это для Кимов, позвоните, чтобы за ним спустились.

– Даночка, а ты к ним не зайдешь разве? – спросила она нараспев.

Глаза женщины так и ощупывали мое лицо. Наверняка ночью она не дежурила, но знала от сменщицы о странном появлении дочери Кимов среди ночи в невменяемом состоянии, о приезде «скорой» и умирала от желания узнать, что за беда у них приключилась.

– Нет, мне нужно бежать, до свидания! – оттарабанила я и белкой метнулась прочь.

Вернулась домой и до вечера пыталась занять голову то уроками, то музыкой, но чаще обнаруживала себя просто сидящей в отупении на полу, на подоконнике, на кровати. Суп выключить не забыла, но вот в горло ничего не лезло. Никто не звонил, не писал, и пустота разрасталась в душе. Даже Сашка молчит, а ведь он обещал разузнать хоть что-то. Мать позвонила и сообщила, что будет поздно, судя по звяканью стекла и голосам, звонила она из ресторана. Вот вам и фиктивная свадьба!

Около десяти, обозлившись на весь мир, я отключила телефон, выключила комп и улеглась в постель. И быстро начала засыпать, как ни странно, – видно, мой измученный мозг уже не справлялся с реальностью. Сквозь сон как-то отрывочно слышала, как пришла мама, как заглянула в мою комнату и что-то спросила, наверно, почему я не ела или как моя голова. Но потом оставила меня в покое, плотно прикрыла дверь, и больше я ничего не слышала до самого утра.

А утром все на первый взгляд шло в обычном режиме. Мать раза три заходила меня будить, в первый раз деликатно и на цыпочках, я сквозь полусон ощутила ее прохладную ладонь на своем лбу.

– Как ты себя чувствуешь, Даночка?

– Нормально, – сдуру брякнула я.

– Замечательно, тогда вставай и давай позавтракаем вместе.

Но я не встала, и следующие два захода матери были совсем не такие тихие и деликатные, в последний раз она просто сдернула с меня одеяло и рявкнула:

– Так, у тебя десять минут до выхода из дома! И попробуй только убежать, не поев. Я ухожу, до вечера.

Тут уж пришлось вставать, после вчерашнего прогула не стоило привлекать к себе внимание новым опозданием или пропуском урока. Я скатилась с кровати и волчком закружилась по квартире, пытаясь одновременно одеться и напихать в сумку нужные учебники. О еде уже речи не шло, оставленный на столе омлет я стряхнула в пакетик, чтобы по пути угостить им бездомных кошек. И все равно выскочила из квартиры на пять минут позднее крайнего срока. И никто меня не встретил у дома, а надежда-то была…

В общем, на первую по расписанию физику я все равно немного опоздала. Наш Петр Иванович, скучный и вялый во все моменты урока, так же скучно скривил лицо и проводил меня укоряющим взглядом от двери класса до парты, хотя в глубине души наверняка был рад паузе, – говорил он всегда так, будто это стоило ему больших усилий. Наша с Линой парта пустовала, не было и Вилли. Дятлов приветствовал меня поднятой ладонью, а потом приглашающе кивнул на стул рядом с собой, но я проигнорировала, заползла на свое место у окна. Мне сразу почудился какой-то шепоток и взгляды, любопытные, недоуменные, направленные на меня, но, возможно, просто разыгралось воображение. Я прикрыла глаза, планируя оставшиеся полчаса подремать под монотонный голос физика. И очнулась со звонком еще более сонная и вялая.

По пути в кабинет литературы меня догнал Сашка и сказал:

– Ну ладно, тогда я с тобой сяду на литре, не возражаешь? Ребят все равно сегодня не будет.

– Ты звонил вчера Вилли? – догадалась я.

– Ага. Он сказал, что поедет с Линой и ее родителями в Питер к тому специалисту, куда их направили. Я спросил, не против ли Кимы, но он вроде как удивился такому вопросу и ответил, что не в курсе, но обязательно уточнит. Его-то волнует только Линка.

Я ощутила острый укол зависти: Сашка бы за мной точно не потащился, не стал прогуливать. И потому спросила очень резко:

– Кто-то мне собирался вчера позвонить или мне послышалось?!

– В том случае, если что-то важное узнаю от Вилли, – уточнил Дятлов. – Но он ничего такого не сказал. Я бы тебе и просто так позвонил, но завозился с рефератом, и все из головы вылетело. Да и дергать не хотелось.

– Ну еще бы, – прошипела я сквозь зубы, потом сорвала с плеча сумку, сунула ему в руки. – Кинь на мое место!

И резко сменила направление. Путь мой лежал в сторону туалета: я собиралась смочить ледяной водой виски и веки, чтобы хоть немного взбодриться. Да и говорить с Сашкой не хотелось, а то, пожалуй, наброшусь и покусаю его. Или брякну такое, что дружбе конец.

Помахивая на лицо ладонью, я подходила к классу литературы, когда дорогу мне преградили две одноклассницы, Даша Хомчик и Соня Дергалина. И маленькая, как первоклассница, с подвижным ярким личиком, Хомчик без промедления спросила:

– Богдана, ты в курсе, что случилось с Линой Ким?

Прозвучал вопрос как-то обвиняюще, что ли, так что я сразу ощетинилась:

– Ну, примерно, а что?

– Примерно мы сами знаем, звонили ей вчера на домашний, пообщались с Линкиной матерью. Но ты вообще-то ее подруга, можно от тебя узнать, что произошло?

Да что это с Дашкой, она явно едва сдерживается, смотрит исподлобья, кусает губы, цедит слова сквозь острые мелкие зубешки. Полноватая, невозмутимая Соня даже тронула ее за руку, призывая успокоиться.

– Вот придет завтра в школу, и спросите ее сами. – Я попыталась как можно спокойнее пожать плечами.

– Ага, придет, как же! Мать дала нам понять, что в школу Лина пока ходить не собирается, возможно, даже будет заканчивать ее экстерном или переведется.

Это был мощный удар, наверно, я даже побелела от такого известия.

– А о тебе она даже говорить не хочет, сразу сменила тему, когда я спросила, переходите ли вы вместе. Вы же всегда были неразлучными, и что, так сильно поссорились? Или ты ей какую-то гадость сделала, и у Ким нервы сдали?

Я мужественно попыталась рассмеяться:

– Ага, из-за меня Лина отказывается ходить в школу, а родители ее в этом всячески поддерживают! В последний год учебы! Вы сами-то себя со стороны слышите?

– Смотря что там между вами произошло, – рассудительно вставила Соня.

В ее выпуклых глазах под тяжелыми веками читалась настороженность, как будто от меня можно было ожидать чего угодно. Хотя, может, она всегда так смотрит, мы ведь раньше и не разговаривали лицом к лицу. Это Кимка со всеми общалась, всем была нужна.

– Так, от меня вы чего хотите?! – Я вскинула голову и с трудом сдерживала бурное дыхание.

– Дан, ты не злись. – Хомчик сменила тон и даже попыталась коснуться извинительно моей руки, но я успела ее отдернуть. – Просто у нас через две недели премьера, а без Линки вообще завал. А на каникулы наш театр на фестиваль должен ехать в Выборг, там ужасно интересная программа. Может, у вас в самом деле что-то вышло, но это же можно как-то решить мирным путем. Мы вот тоже иногда с Сонькой так собачимся…

– Да плевать мне на вас с Сонькой! – заорала я, отступая на пару шагов. – Я лично ни с кем не собачилась! Может, мне вообще из школы уйти, чтобы дорогая Линочка могла в нее спокойно вернуться?

Даша вздрогнула и попятилась, не забыв схватить Соню за рукав и утащить за собой.

– Борская! – услышала я возмущенный голос нашей классной, которая до этого посреди коридора разговаривала с каким-то лысым типом. – Подойди ко мне, пожалуйста!

Я фурией развернулась к Елене Станиславовне, подумывая, не поорать ли на нее уж до кучи. Но нет, сработал защитный механизм, пока шла, даже сумела ослабить мышцы лица и разжать кулаки.

Лысого типа рядом с классной уже не было, да и народу вокруг поуменьшилось, видно, я не услышала звонок на урок.

– Богдана, что происходит? – выразительно глянула на меня классная. – Почему ты орешь на весь коридор, да еще в присутствии взрослых людей?

– Я вас не видела, – отозвалась я угрюмо.

– Это не оправдание, знаешь ли. И я как раз сегодня собиралась поговорить с тобой насчет пропуска уроков. Ты не слишком хорошо начинаешь учебный год, едва ли не самый важный в жизни. Так что не забудь подойти в мой кабинет после окончания уроков, договорились?

– Да, – с трудом выдавила я и направилась в сторону класса, в дверях которого стоял с сочувственным видом Дятлов, ждал.

Нет чтобы появиться раньше и не подпускать ко мне этих двух идиоток! Я промчалась мимо него с ослепшим и оглохшим видом, донеслась до парты, схватила Сашкин рюкзак и через плечо ловко метнула назад, на пустующую парту. Или не очень ловко, не проверяла. Потом забралась на свое место и уставилась в окно.

Урок тянулся бесконечно, и я всеми порами своего организма чувствовала прикованное к себе внимание класса. Все эти оглядывания, сближенные головы, шепотки. Наш класс никто не назвал бы дружным, в основном каждый сам по себе, если дружба, то парочками. В никуда уходят все попытки нашей классной

сдружить нас совместными поездками и конкурсами, мы – словно пазлы из разных коробок, никак не соединяемся. Однако и про травлю неугодных, про деления на крутых и лузеров знаем больше из фильмов. Мы все дети обеспеченных родителей, другим нашу гимназию просто не потянуть, но никогда не пытаемся мериться предками, их доходами или тачками – это теперь отстой, затеявший подобное был бы испепелен презрением. Просто мирно сосуществуем в школьных стенах до поры до времени. Именно с непривычки я так болезненно воспринимала эту враждебность, возможно, в разы ее преувеличила. А примерно посреди урока мне на стол шмякнулась прилетевшая откуда-то со среднего ряда записка. Нужно было просто смахнуть ее со стола, но я от растерянности прочитала. Там было написано:

«Ты реально пыталась увести Вилли у Лины?»

Сначала я опешила. Потом даже засмеялась от неожиданности. Вороватым движением сгребла записку в карман жакета, чтобы никому не попалась на глаза. И тут же мои мысли приняли новое направление: а если предположить, что я разговариваю во сне и сказанула что-то про Вилли? Нет, ничего такого, я никогда не думала о Мажейкасе как о парне… хотя он, конечно, дико привлекателен внешне, тут не поспоришь. Но нет, я не могла, мне нравится Сашка, и вообще… Иногда Вил меня жутко раздражал, когда приходилось приглашать его к себе или на прогулку, а я бы предпочла побыть вдвоем с Кимкой, как в довиловские годы нашей дружбы. Иногда их пара казалась мне странной, я недоумевала, как ухитряется порывистая, не слишком сдержанная на язык Кимка общаться с таким правильным и рассудительным типом. Допустим, все это я выболтала во сне, могла бы подруга на меня очень сильно обидеться? Ответ: да, могла, но в тапках убегать из моего дома не стала бы. Скорее, разбудила бы и устроила разбор полетов. Значит, опять мимо.

Настроение упало еще ниже, хотя уже некуда было падать. Голову стиснуло, словно на нее, как на бочку, набили железный обруч, заныло за ушами. Я едва высидела до перемены, первой схватила сумку, хотя Елена Станиславовна еще объясняла домашку, выскочила за дверь. И сразу рванула в раздевалку, желая одного – как можно скорее оказаться дома. Выпить таблетку от головной боли и принять лежачее положение. К классной явлюсь завтра, как говорится, семь бед – один ответ.

Я даже решилась на то, чтобы срезать путь, пойти не привычной дорогой вдоль проспекта, а проскочить между двумя неприятными на вид блочными

строениями, соединенными на уровне третьего этажа сплошным балконом-туннелем. Это здание у нас прозывалось мигрантской общагой, и я обычно опасалась там ходить, особенно под балконом, вечно оттуда летел всякий мусор, окурки или раздавались выкрики, которые преследовали долго, – балкон был открыт на обе стороны. Но сейчас мне на все было наплевать.

Головы я не поднимала, но видела краем глаза какие-то мельтешащие фигурки на балконе. А когда прошла под ним, моментально мне на голову что-то посыпалось, вроде сложенных бумажек. С утробным рыком я смахнула их с волос и воротника куртки, перешла почти на бег и из опасного двора выскочила на круглую уютную площадь с фонтаном посередине. Желая отдышаться, рухнула на скамейку и прикрыла на минуту глаза, а когда открыла, то сразу уловила какую-то лишнюю деталь на уровне уха, над правым плечом. Так и есть, в волосах застряла одна из бумажек.

Я даже скорчилась от отвращения, вообразив, что ее могли обслюнявить для лучшего полета, сбила ногтем. Бумажка свалилась на скамейку рядом, и нет, это был не изжеванный комок, а многократно сложенный квадратик светло-желтого цвета. Обычно я не ведусь на такие вещи, но тут почему-то развернула, стараясь касаться только ногтями, и низко наклонила голову, чтобы прочитать, не поднимая. Там детским почерком, печатными буквами и без знаков препинания было накорябано:

БУДЬ ОСТОРОЖНА ОПАСАЙСЯ НОВЫХ ЛЮДЕЙ НИ С КЕМ НЕ РАЗГОВАРИВАЙ КОГО НЕ ЗНАЕШЬ И НЕ ДАВАЙ СИДЕТЬ ИЛИ ИДТИ РЯДОМ С СОБОЙ

Нет, едва ли это ребенок писал: ошибок нет и предложение развернутое. Буквы «В», «Е» и «К» везде развернуты в другую сторону, но это, скорее всего, нарочно. Я хмыкнула и щелчком отправила листок прочь со скамейки, попала четко в мусорку. Ага, там ему и место! Встала и побрела в сторону дома, удивляясь, почему даже короткий путь сегодня оказался таким утомительным.

Мать была дома, в последнее время она часто уходила на работу на полдня, а потом сидела за большим столом в гостиной, обложившись бумагами.

– Дана, ты почему… – начала она, но вдруг запнулась, шагнула ко мне и с ходу прижала ладонь к моему лбу. Потом сместила руки куда-то под уши – я замычала от боли.

– Все ясно. – Мать шумно вздохнула. – Раздевайся и тут же в постель. Похоже, не грипп, так ангина до тебя добралась.

«Я заболела, вот оно что, – дошло до меня с сильным опозданием. – Ну что ж, это хотя бы выход из накопившихся проблем с прогулами и с классом».

Глава девятая

Самый страшный день

Правда, последующие дни трудно было назвать приятными, уж лучше бы я разбиралась с классной и одноклассниками. По ночам меня трясло, и мама протирала мне лицо и шею мокрым полотенцем. Горло обложило так, что я по несколько раз на дню страшно пугалась, что больше никогда не смогу сглотнуть. Через четыре дня стало легче, но я все равно почти все время спала, сил не хватало даже фильм посмотреть.

А потом наступил тот день, который мне никогда уже не забыть. Я проснулась утром и ощутила, что ничего не болит и глаза не слезятся от проникающего сквозь щелку между портьерами утреннего света. Зашевелилась слабо под ставшим слишком тяжелым одеялом, пытаясь принять сидячее положение. Почти сразу – и как услышала? – в комнату заглянула мама. Уже одетая на выход, с подкрашенными глазами и губами, поспешила мне на помощь, подложила под спину несколько резервных подушек. А я вдруг обратила внимание, какой у нее бледный и уставший вид, и спросила испуганно:

– Ма-ам, а ты куда собралась? В больницу? Тебе стало хуже?

Мать округлила глаза:

– Чего вдруг? На работу, там какая-то проверка, нужно хоть на часок показаться. Надеялась, что ты проспишь до полудня, как все эти дни, и даже не заметишь. Но я совсем скоро вернусь. Тебе подать нормальную еду или будешь подчищать запасы?

Она кивнула на приставной столик у изголовья кровати. Там дожидались своей участи несколько йогуртов и термос с клюквенным морсом, ореховая смесь на блюдце – больше я ничего не могла в себя впихнуть все это время. Я прислушалась к своим ощущениям:

– Пока это доем. А в обед можно и что-то другое. Только возвращайся поскорее.

Мать заулыбалась, провела рукой по моим спутанным волосам:

– Ладно, если раньше проголодаешься – суп уже готов, на плите, шарлотка в духовке. А в холодильнике еда разложена по порциям на тарелках, сунешь в микроволновку – и готово. Ну, я побежала.

И чмокнула меня в лоб, обдав запахом своих любимых духов и свежей выпечки. Еще с минуту я слышала звуки из прихожей, потом хлопнула входная дверь – сразу стало пустынно и одиноко. И ужасно тоскливо, так что я поскорее натянула одеяло на голову и снова задремала.

В следующий раз меня разбудил рингтон мобильного телефона. Звонил Сашка, он, как всегда, сразу приступил к делу:

– Слушай, я тут под твоим домом стою. Раз уж ты выжила, то, может, пустишь в квартиру?

– Откуда знаешь, что выжила? – уточнила я.

– Так я с матерью твоей был на связи, пока ты там загибалась. Тебя беспокоить было не велено. А сегодня позвонил, она сказала, что ты дома одна и вполне

себе воскресшая из мертвых. Я смылся с уроков и сразу к тебе.

– Ладно, заходи. – И громко вздохнула, чтобы этот тип не догадался, как я рада. – Только погуляй минут пять, а то пока я до прихожей доползу.

– Понято, гуляю, – бодро откликнулся Дятлов.

Меня сильно покачивало от слабости, пока я упорно пробиралась через квартиру в ванную. Первым делом ополоснула лицо и тщательно почистила зубы, разодрала пальцами спутавшиеся волосы и сменила байковый халат на более приличный и новый, тронула блеском губы и щеки. Дождалась сигнала домофона и сразу отперла входную дверь, а потом отправилась в гостиную и устроилась на диване, прикрыв ноги пледом, – не приглашать же гостя в свою комнату, где все пропахло болезнью.

Сашка уже возился в прихожей, запирая дверь и шумно скидывая ботинки, а я с удивлением обнаружила, что сердце у меня так и скачет от волнения. Вот он возник на пороге гостиной, – румяный от холода, с влажными разлохмаченными волосами и вроде как ставший за эту неделю еще шире в плечах.

– Привет! Вовремя заболела, на улице просто мрак что делается, всю неделю ветрюга с дождем.

Да, мой друг во всем умел находить положительные стороны. Направляясь в мою сторону, он прихватил по пути стул и устроился рядом с диваном. Я подавила вздох, потому что надеялась, что он сядет на диван, возьмет меня за руку или положит свою руку мне на плечо. Ага, не на того напала.

– Что в школе? – спросила я довольно уныло.

– Тебе с подробностями? Вот на химии сегодня разбирали интереснейшую тему…

– Ой, молчи, я даже думать не могу об уроках, – выдохнула я. – И я вообще не об этом спрашивала.

– Тогда уточни вводные данные.

– Кимка ходит в школу? – с трудом выдавила я, отводя глаза.

Она ведь так и не позвонила мне ни разу с той ночи, не объявилась в ВКонтакте. Как будто и не было у меня никогда надежной верной подруги.

– Нет, – не очень охотно отозвался Сашка. – Я слышал, она в какой-то клинике в Питере лечит нервишки. Вилли говорит, ничего серьезного, он беседовал с врачом, тот вроде сказал, что у него основная клиентура – это ученики выпускных классов. Не справляемся мы с перегрузками, понимаешь ли…

– А Мажейкас сам ходит в школу?

– Ну, изредка. В основном каждый день таскается в Питер. Учителя закрывают на это глаза, типа против такой любви не попрешь.

Мне стало еще тоскливей, чем было, и я сказала, едва сдерживая слезы:

– Спорим, ты бы ко мне таскаться каждый день не стал в ущерб урокам!

– Огульное обвинение! – запротестовал Дятлов. – Ничем не подтвержденное, кстати, поскольку такой ситуации еще не было. Может, я бы вообще все забросил и жил под дверью больнички?

Конечно, это был обычный треп, но я в своем нервном состоянии нуждалась в четких ответах. Поэтому задала вопрос снова:

– А серьезно, Сань? Смог бы ты ради меня пожертвовать хотя бы учебой?

Дятлов вроде как понял, что я уже не шучу, посмотрел на меня искоса, поднял и резко опустил плечи:

– Ну, если бы я знал, что тебе это точно нужно…

Я разразилась саркастическим смехом, из-за остаточных хрипов в горле больше похожим на карканье:

– Откуда знал-то? Думаешь, я бы стала умолять? Или ты считаешь, что Кимка просила Вилли приезжать к ней каждый день, хотя наверняка безумно этому рада? Эх, Сашка… Вот ты вообще хоть задумывался, для чего живешь?

Тут я загнула, конечно, с последним вопросом. Сашка глянул на меня с неподдельным интересом, глаза округлились, как всегда, когда его что-то всерьез занимало. Он подумал и ответил с обстоятельностью, которой я от него уже не ждала:

– Сложные вопросы задаешь, Дан. С одной стороны, может, и хотелось бы знать, для чего небо коптишь, с другой – страшно. Прикинь, ответит мне глас с небес: отправляйся прямо сейчас на ближайшую помойку, увидишь там пьяную тетку с фингалами, которая роется в мусоре. И знай, что твое предназначение в том, чтобы вернуть ее к нормальной жизни. Не справишься или даже браться не захочешь – все, напрасно прожил жизнь, незачет.

И с таким серьезным и озадаченным видом он все это произнес, что я даже поежилась:

– Фу, перестань! Не может быть такое предназначение, это слишком ужасно!

– Ага, задергалась! – развеселился Дятлов. – Боишься, что и у тебя может оказаться не лучше. Вдруг, например, твое предназначение в том, чтобы сделать счастливым одного обормота?

– Какого еще обормота? Тоже с ближайшей помойки или того, который приперся меня навестить, сидит на моем стуле и несет невероятную чушь?

Сашка расплылся в радостной улыбке:

– Ну, насчет чуши, так это ты начала, но больным прощается. И да, может, того, что на стуле. Только не думай, Борская, что его так легко осчастливить, с помоечным парнем было бы гораздо проще.

– Да уж конечно! Только как-то не хочется. И почему же его так тяжело осчастливить? Неужели я ничем не могу его даже порадовать?

В последней фразе любой бы углядел намек и прекратил лишний треп, но Сашка – это Сашка, ему законы не писаны.

– Порадовать ты его точно чем-то да можешь, но это не то же самое, что осчастливить, – заявил он, но все же порозовел немного.

– Ну, можно же начать с малого, – парировала я. – И что бы конкретно его порадовало?

– Мм, дай подумать, – поднял голову к потолку этот разгильдяй. – Дашь время?

– Только не больше минутки, сам знаешь, я ненавижу ждать.

– В важных вещах торопиться не стоит, – строго глянул на меня Дятлов. – Так что придется потерпеть. И слушай, не возражаешь, если я со стула пересяду на твой диван, сама знаешь, мне на мягком думается лучше.

– Ну, если лучше…

Я чуть сдвинулась к спинке дивана, освобождая Сашке край. Он быстро переместился, сел на уровне моих коленей и словно невзначай взял меня за руку.

– Так тебе тоже думается легче? – спросила я и почувствовала, что от волнения онемели губы.

Кажется, мы двигались в нужном направлении. И тут грянул звук, от которого я чуть не свалилась с дивана.

Через мгновение я сообразила, что это всего-навсего зазвонил наш стационарный телефон. Просто он редко подавал голос, да и слышала я его обычно из своей комнаты или из кухни. Мне звонили только на мобильный, матери, наверно, тоже, а на этот только по всякой ерунде типа профилактики наших окон. Но как не вовремя! Сашка мигом вскочил на ноги, заозирался.

– Это телефон, он на столе под маминими бумагами, – выдавила я с досадой. – Ответь, ладно, а то так и будет трезвонить.

– Ага, сделаю.

Дятлов мигом отыскал аппарат, который мать, похоже, использовала как подставку для своих рабочих документов, снял трубку:

– Да. Нет. Она болеет. Да, можете со мной.

Я подняла брови вопросительно и отчасти возмущенно, давая понять, что если звонят мне, то мне и стоит передать трубку. Но Сашка повернулся спиной и просто слушал, что ему говорят, не поддакивал, не переспрашивал. Потом очень осторожно вернул трубку на базу, постоял, опираясь о стол пальцами левой руки, и только после этого повернулся и посмотрел на меня. И по его лицу, по широко распахнутым, ставшим совсем черными глазам и побелевшим губам я поняла, что случилось ужасное.

– Что такое? – прошептала я.

Сашка мигом пересек пространство комнаты и вдруг сел на корточки прямо напротив моей головы.

– Дана, это звонили с работы твоей мамы. Они сказали, что ей неожиданно стало плохо, вызвали «скорую», но… Данка, ее не спасли.

– Что? Нет! – заорала я и попыталась вскочить на ноги, но друг оказался проворнее, подлетел с пола и обеими руками прижал меня к дивану и к себе. Я яростно сопротивлялась.

– Отвали, мне надо туда, к ней на работу!

– Нет, Дана, не нужно! – переорал меня Сашка. – Ты слабая после болезни, ты до двери не дойдешь – грохнешься. Там полно народу, они сделают все, что нужно, ты будешь только мешать.

– Но это же моя мама! – простонала я.

– Я понимаю, Данка, я все понимаю! Но тебе нужно остаться дома. Слушай, я должен съездить и отвезти ее паспорт, я пообещал. Я не сообразил сказать, чтобы сами подъехали. Ты примерно представляешь, где его найти?

– Сейчас найду.

Я вскочила на ноги, воспользовавшись тем, что Сашка немного ослабил хватку. Но немедленно в глазах сгустилась тьма, к горлу подступило из желудка что-то отвратительно едкое, а ноги я перестала ощущать. Подоспевший Дятлов успел подхватить меня и оттащить обратно на диван. Посидел так немного, потом совсем робко сказал:

– Давай теперь я, ладно?

– Хорошо, – сдалась я. – Зайди в мамину комнату, открой верхний ящик комода, там папка такая старая, на завязках, красная. Принеси сюда, я найду.

Сашка тут же сорвался с места и исчез за дверью, а появился обратно меньше чем через минуту, с папкой. Этого времени мне хватило, чтобы осознать, каково будет остаться одной после его ухода. Но все равно так лучше, мне нужно время, чтобы осознать, что произошло.

Паспорт я быстро отыскала, он лежал на самом верху, как и мой. Была у мамы и такая странность: она считала, что все ценные бумаги должны храниться в одном месте на случай чего-то непредвиденного. Чтобы сразу схватить и бежать, если что.

Сашка с паспортом в руках покачивался с пятки на носок, и взгляд у него был совсем потерянный.

– Слушай, давай ты кому-то позвонишь, чтобы пока побыли с тобой, чтоб не одна тут… а я быстро обернусь, обещаю.

Он вроде как сделал движение к телефону, но тут же досадливо сморщился. Наверно, думал вызвонить кого-то из семьи Кимов, забыв нынешний расклад.

– Никого не надо. Я держусь. Просто поезжай и возвращайся скорее.

– Не знаю… Ладно, слушай, возьму твой ключ, чтобы тебе не вставать, ладно?

– Да двигай уже! – рявкнула я.

Вся эта подготовка была мучительней даже того, что мне предстояло. Дятлов сперва попятился, потом рванул к выходу. Стукнула входная дверь, и я осталась одна со своим горем. Нет, наверно, настоящего горя пока не было, я просто не могла поверить в случившееся. Ведь мама такая сильная, такой боец. Возможно, случилась ошибка, и она просто в больнице, приходит в себя после обморока, так напугавшего ее сотрудников. Я с надеждой покосилась на телефон. Наверняка он скоро зазвонит, и все прояснится.

Чтобы отвлечься, я снова полезла в папку, но там не было ничего интересного, кроме документов, полисов, старых удостоверений. Наверху лежал блокнот-еженедельник в желтой кожаной обложке, довольно потрепанный. Я перелистала его и убедилась, что мама пользовалась им последние лет пять, но редко, не чаще раза в месяц, заполняла разлинованные листы своим бисерным почерком без наклона. В основном какие-то выписки, например десять способов использовать перекись водорода. Фамилии с адресами. Короткие впечатления от прочитанных и чем-то зацепивших ее книг. Краткие описания тех дней, которые маме, наверно, показались очень счастливыми, например, как мы целый день посвятили рыбам, были сперва в океанариуме, а потом в дельфинарии и закончили программу в рыбном ресторанчике «Песнь моряка» на Итальянской. А я уже и забыла этот день четыре года назад… вот вспомнила, и слезы потекли сплошным потоком.

Я все же долистала блокнот до последних заполненных страниц, держа его подальше от глаз, и увидела последнюю запись, сделанную, видимо, в самый разгар моей болезни. Даже почерк тут был не такой четкий, мама наверняка писала очень усталой и огорченной.

Дана болеет тяжело, врач был повторно и сказал, что течение болезни какое-то нетипичное. Дергаюсь, а не связано ли это как-то с тем, что восемнадцать ей исполнится всего через три месяца? Посоветоваться не с кем, хотя телефоны тех людей сохранились. Какие же мы наивные были тогда! Конечно, все давно сменили номера, как и я. Но очень хотелось бы знать, как у них сложилось. И страшно, вдруг там не получилось? Ерунда, конечно, паранойя, но куда деваться

от мыслей. Скорее бы конец года, чтобы все закончилось, и тогда можно будет отдохнуть наконец…

Слезы иссякли, я обмерла с открытым ртом, стараясь осознать только что прочитанное. Что могли значить эти строки? Впервые у меня в голове вдруг разом сложилась версия, вместившая все странности, связанные с матерью и мной. А что, если у меня какое-то врожденное заболевание, которое проявляется до восемнадцати лет? А потом, получается, можно не волноваться, раз мама ждала конца года, то есть первого января, то есть моего дня рождения. А Кныш и Конрад – фамилии ребят, больных тем же, и мама боялась, что я встречусь с ними и они мне что-то расскажут, напугают… мама ведь знает, какая я мнительная. Поэтому даже перестала общаться с родителями тех ребят, хоть и хранила их телефоны.

А вдруг по ночам со мной случаются какие-то приступы, характерные для этого заболевания? Потому мама и удерживала меня дома, хранила от чужих глаз. Хотя странно, если и были какие-то приступы, они никогда на мне не отражались, не помню, чтобы я просыпалась особо разбитой. Но вот Кимка увидела меня в таком состоянии и так испугалась, что теперь даже по телефону общаться не желает.

Меня трясло от возбуждения и страха. Несколько раз я хваталась за телефон, потом вспоминала, что звонить мне некому и посоветоваться не с кем. Лихорадочно листала ежедневник, но ничего в таком роде мне на глаза не попалось, вот только имя, втиснутое внизу одной страницы, – Женя – и телефон рядом с ним. Судя по тому, что мое отчество Евгеньевна, это вполне могли быть координаты моего отца. Я схватила свой мобильник и набрала номер раньше, чем дала себе время подумать.

Сначала долго шел сигнал, потом сильно запыхавшийся веселый голос ответил:

– Да, кто это?

Я молчала, думая о том, что не помню голоса своего отца, мы ведь десять лет не разговаривали. А он мой голос и не узнает, если не представиться.

– Говорите, – напомнил голос, и я решилась:

– Это я, Дана.

– Кто? – переспросили изумленно, но по враз охрипшему голосу я поняла, что угадала.

– Богдана Борская.

– А, привет, привет, очень неожиданно. – Он совсем растерялся, бедный мой папаша. – Слушай, Богдана, давай созвонимся через пару дней, понимаешь, я сейчас не в России, на курорте, тут роуминг просто зверский. Я сам тебе перезвоню по этому номеру, и мы обо всем поговорим…

– Я просто хотела сказать, что мама умерла, – произнесла я на одном дыхании. – Сегодня.

Пауза. Потом залп изумленных вопросов:

– Надя? Почему? Что случилось? Авария?

– Нет, болезнь. У нее нашли опухоль, только начали лечить, но…

– Ясно, – отозвался явно приунывший голос. – А я уж испугался, она ведь вечно гоняла как безумная. Хотя что я за бред несу, все равно ужасно. Нужно это осознать… – Пауза, потом торопливо, испуганно: – Я не смогу приехать прямо сейчас, просто никакой возможности. Со мной тут дети, и вообще… Но потом мы что-то решим с тобой…

Все ясно, он вообразил, что должен забрать меня к себе. Я выдержала мстительную паузу, потом сказала:

– Не нужно со мной ничего решать. Мама снова вышла замуж, так что у меня есть опекун. И незачем тебе приезжать.

Кажется, он просто возликовал, мой отец. Но сказал очень деловито, даже торжественно:

– Но я все равно приеду, как только смогу. Проконтролирую, как соблюдаются твои интересы. Извини, но сколько… сколько тебе лет сейчас?

– Через три месяца будет восемнадцать, – ответила я на автомате. – Не надо контролировать, никто меня не обидит, большая уже. Я просто сообщила, и все.

– Совсем большая. – Он задумался, потом заговорил как-то сбивчиво, глотая звуки, я даже с трудом его понимала. – Слушай, Богдана, думаю, тебе лучше знать, чтобы была какая-то определенность. В общем, я твой отец только по документам, не биологический. Это не снимает с меня ответственности, но все же тебе стоит знать, да… хотя, может, мама и так тебе рассказала…

Вот это была новость, я едва сдержала рвущееся восклицание, заменила его на неопределенное хмыканье. Наверно, он подумал, что я так выражаю недоверие, потому что совсем разгорячился:

– Когда мы только познакомились с Надей, тебе был год или около того. Да, я тебя официально удочерил, и мы договорились, что это будет нашей тайной для всех и для тебя. Но ты уже не ребенок, а жизнь мало ли как сложится… вдруг еще не поздно разузнать о твоей другой родне, и вообще…

Он вконец запутался и смолк.

– Да, наверно, лучше, – пробормотала я. – А ты что-то знаешь о моем настоящем отце?

– Да если бы! – отозвался он с какой-то непонятной горечью, словно эта мысль тяготила его днем и ночью все эти годы. – Я тогда всю голову сломал, чуть не рехнулся из-за этих вечных загадок. И знаешь, если уж совсем начистоту: Надя ведь тоже тебе не родная мать.

– Что?! – заорала я.

Отец – или кто он мне там – вроде как испугался, забормотал:

– Извини, может, не стоило, я просто хотел, чтобы ты поняла. Я любил твою мать, на многое закрывал глаза, но все эти недомолвки, ее нежелание что-то

объяснять… именно это нас и развело в конце концов.

– Может, она просто не хотела признаваться, – проговорила я. – А на самом деле все же была моей мамой. Ну, так бывает, я читала.

Но он почему-то не согласился даже с таким вариантом, как будто решил уж точно меня добить:

– Нет, Богдана, это совершенно точно. Неудобно с тобой такое обсуждать, но поверь мне: до встречи со мной никаких детей у Нади быть не могло. Она сказала, что ты ее сестра. Выдала душещипательную историю, что родители погибли в автокатастрофе и она хочет, чтобы ты росла в полноценной семье, а не у сестры с ее мужем. Поэтому ты будешь теперь наша дочь. Но я с самого начала как-то не особо в это поверил. А потом, когда все это меня стало сильно тревожить, посмотрел в паспорте ее прежний адрес и навел справки.

– И что?

– Ну и то. Все как я думал. Родители ее замечательно жили-поживали с сыном, Надиным, выходит, старшим братом, и его семьей. Дочь не разыскивали, видимо, держали с ней связь. Ну или уже махнули рукой. Насчет младшего ребенка и вовсе бред – оба были сильно возрастные.

Я уже совсем ничего не понимала. Этот человек, теперь уже не мой отец, словно поставил целью стереть меня с лица земли, доказать мое неосознанное самозванство.

– Но есть же свидетельство о рождении, – пискнула я.

Человек громко свистнул мне в ухо.

– Липовое. В деньгах твоя восемнадцатилетняя мать не нуждалась, решать вопросы умела уже тогда. По ее версии, это было наследство от все тех же якобы погибших родителей.

– А ты… вы можете мне сказать тот адрес, где они жили? – зачем-то спросила я.

– Кто?

– Ну, мои дедушка и бабушка…

– Богдана! – Голос взлетел почти до визга. – Ты вообще слышишь, о чем я тебе толкую?! Они тебе не дедушка и бабушка, они, скорее всего, и знать не знают о твоем существовании! Когда мы с Надей только познакомились и я начал захаживать к ней в гости, ты даже не разговаривала нормально, только лепетала что-то на не пойми каком языке. Нервная такая была, всего пугалась. Надя каждую ночь спала с тобой, свечки какие-то вонючие жгла, запиралась. Точно было что-то нечисто. Думаю, те люди, которые передали тебя Надежде, и позаботились о свидетельстве, и с деньгами ей помогли.

– Все ясно, – пробормотала я и отключилась, потому что не могла больше говорить и вообще воспринимать информацию. Мой мир полетел вверх тормашками. Теперь я не только осталась одна, но вообще не понимала, кто я такая и откуда взялась.

Примерно через минуту телефон зазвонил вновь, высветился тот же номер. Я не хотела говорить, но все же ответила, чтобы покончить с этим.

– Дана, – совсем другим, вроде как пришибленным голосом сказал тот, кого я считала своим отцом, – прости, что вывалил это на тебя, разволновался, наверно. Я найду адрес и отправлю эсэмэской, думаю, тебе все же стоит связаться с теми людьми. Кто знает, вдруг они знают о тебе, ждут вестей от Нади…

Он что-то еще втолковывал на одной ноте, но я уже не слушала. Слишком много всего разом свалилось. Отведя телефон от уха, я рукой ощупала свое лицо, сама не понимаю зачем. Мне очень хотелось посмотреть на себя в зеркало и убедиться, что я не цыганка, не таджичка, не узбечка, меня не подбросили маме отчаявшиеся люди без жилья и документов. Я даже не заметила, как голос в трубке перестал звучать. Когда в квартиру ворвался Сашка, такой запыхавшийся и красный, будто бежал без остановки все это время, я ничего ему не рассказала. И не взяла в руки телефон, когда он негромко пискнул, доставив сообщение.

Глава десятая

Новичок в классе

Потом были тяжелые дни, похороны, поминки – я на все это как-то слабо реагировала. Уже после поминок в ресторане несколько маминых сотрудниц зачем-то оказались в нашей квартире, повсюду бродили и таращились, как в музее. Я даже услышала краем уха пару фраз.

– На наши зарплаты такие хоромы не заимеешь, – сказала одна.

– Да уж, Борька-то наш не растерялся, – отреагировала другая, но мигом заткнулась, заметив меня.

Кстати сказать, новый мамин муж, так никогда и не виденный мной, на похоронах не появился. Я спросила о нем еще одну тетку, неприкаянно бредущую через гостиную:

– А где Борис Ильич?

Она жалостливо вздохнула, прежде чем начала говорить:

– Боречка наш заболел, надорвался, наверно, пока все готовил, бедный. – А потом спохватилась: – Так разве вы с ним не созванивались?

Я промычала что-то и отошла. Мы несколько раз говорили по телефону по делу, и голос его показался мне каким-то вялым, болезненным. Может, он в самом деле неровно дышал к моей маме и теперь переживал, не знаю. Насчет болезни и что на похороны не придет он меня не предупредил, может, совсем ослаб.

А потом все как-то сразу разошлись, и мы остались вдвоем с Сашкой. Он выглядел растерянным, поглядывал на меня тревожно и виновато. Спросил:

– Может, все же позвонишь кому-нибудь из подружек?

– Кому? – сморщилась я. Подруга у меня была только одна. Раньше была.

– В классе ты со многими общалась…

– Я тебе уже говорила: вообще не хочу, чтобы в школе знали про маму. Не хочу всяких жалобных взглядов, вопросов. И ты не говори никому, слышишь?

– Да понял уже, – дернул головой Дятлов. – Меня больше тревожит, как ты тут останешься одна. Я бы составил тебе компанию, но не могу – домашние проблемы.

В глубине души я была уверена, что в такой ситуации ему бы стоило выбрать меня, а не проблемы, но не говорить же об этом вслух.

– Ничего, мне нужно привыкать быть одной, что теперь поделаешь…

Лицо Сашкино совсем потемнело, но решения своего он не изменил, только спросил:

– Что завтра будешь делать? Я могу прийти прямо с утра.

– Не нужно. Я завтра пойду в школу, не могу тут сидеть. А ты беги, раз надо.

И в темпе выпроводила друга за дверь, чтобы немедленно залиться слезами.

На следующее утро я проспала, но все же решила выбраться в школу. Перед выходом глянула в зеркало: видок еще тот, но ведь, по официальной версии, я все это время проболела, так что вопросов не будет. В школу примчалась только к перемене перед вторым уроком.

Еще из коридора мне бросилось в глаза, что большая часть одноклассников почему-то сгрудилась в районе нашей с Кимкой парты, все они непрерывно перемещались, и на миг мне показалось, что там уже кто-то сидит. Оборвалось сердце: неужели Кимка вернулась? Неужели заняла свое прежнее место рядом со мной? Но тогда, значит… примирение? Хотя мы и не ссорились вроде.

На ватных ногах я вошла класс, пробилась через толпу и едва не задохнулась от разочарования: на месте Кимки сидел совершенно незнакомый парень. Правда, с довольно примечательной внешностью, отметила я в следующий момент, просто назвать его интересным – это еще слабо сказано. Волосы – темно-каштановые, очень густые, зачесаны волной назад. Губы с необычным изгибом, вроде и улыбаются, и сурово сжаты, не поймешь, нос прямой и тонкий. Глаза в тон волосам, карие, но вроде как припорошены пеплом или тронуты инеем, мерцающие какие-то, неуловимые. Брови темные и длинные, в целом вид не особо добрый и уж точно надменный.

– Можно? – Я выразительно указала подбородком на свой стул у окна, поскольку незнакомый парень уж очень вольготно устроился за партой, не обойти и не протиснуться.

Он вскинул на меня глаза, посмотрел как-то странно, но тут же отвел взгляд и молча придвинулся к парте. Я уселась на законное место и обернулась на заднюю парту, где уже сидели Вилли и Сашка. Вил таращился на чужой затылок с отвращением и тоской во взоре. Ведь он так привык видеть перед собой свою Лину…

Глянув на Дятлова, я вопросительно подняла брови, типа почему не сказал про новенького, а тот в ответ развел руками и выпятил нижнюю губу, всем видом выражая недоумение. Похоже, новичок объявился только сегодня или вчера, когда Сашки не было в школе, – он весь день провел со мной.

Немного выждав, я сказала, обращаясь к напряженно застывшему профилю парня:

– Меня, кстати, зовут Богдана. И это место моей подруги, которая сейчас болеет, – это так, на заметку.

Новенький искоса глянул на меня, кивнул. Потом вытянул из стопки на краешке парты тетрадку, открыл посередине и написал крупно:

«Очень приятно. Я Артур. И меня сюда посадила ваша классная».

– Ага. Круто. Кстати, Артур, в нашей школе на переменах не запрещено разговаривать вслух.

Он снова застрочил и показал мне:

«Проблемы с голосом».

– Ой, прости!

«Ерунда, это временно».

– А, ну ладно. – Я не знала, что еще сказать, и уставилась в окно, на почти совсем облетевшие, жалкие и мокрые клены. Но листок снова подполз мне под локоть.

«Не возражаешь?»

– В смысле?

Парень в ответ развел большой и указательный пальцы, соединил ими себя с партой. При этом так забавно поднял брови, что они стали походить на разведенные питерские мосты, и вид сразу сделался не грозным, а даже милым. Я замешкалась с ответом, так он сбил меня с толку этой переменой:

– Ну, пока нет. Вообще-то моя подруга сейчас… в общем, в школу не ходит. Но когда появится, то… мест же полно в классе.

Плохой знак, ох плохой, что Елена Станиславовна подсадила ко мне этого типа. Наверняка она держит связь с Кимкиными родителями и знает, что та не появится еще долго. Или вообще никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/bulganova_elena/naviya-zapadnya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить